

Сергей ПЫЛЕВ

г. Воронеж

Пёс с золотыми зубами

(документальная повесть)

Однажды в конце восьмидесятых годов прошлого века пришёл к нам в Воронежский Дом литератора незнакомый мужчина: высокий, ещё не утративший впечатление человека выносливого, хваткого, но явно с давно не улыбавшимся, как навсегда замершим лицом.

«Алексей Павлович Данильченко, — представился он первому, кто оказался у него на пути.

Этим первым стал я.

— Мне есть что тебе рассказать.

Ведь я Сталина одолел. И ты напишешь книгу.

Я из крестьян. Родился в 1907 году.

В слободе Велико-Михайловской.

Была Курской, потом Воронежской, теперь Белгородской области.

В тридцать седьмом сподобился сесть по известной пятьдесят восьмой статье.

В итоге у меня за плечами двадцать лет колымских «санаториев».

Я единственный из всех колымских зэков, кто бежал на Большую землю».

Он передал мне выдавшие виды карандашные записки, в которых старательно поведал, на что способен так называемый простой человек, если тоталитарное государство наступит на него своим безжалостным казённым сапогом.

Тогда, в годы перестройки, вновь писать о сталинских репрессиях показалось мне запоздалым занятием.

Особенно после А. Солженицына, В. Шаламова, А. Жигулина...

Все были уверены, что отныне и навсегда в России тема беспредельного, самоубийственного обожествления власти канула в Лету.

Через четверть века я с тяжёлым чувством решил дать ход залежавшейся рукописи: стал всё чаще встречать людей, заражённых ожившим вирусом сталинизма, людей, яростно затосковавших по расправе с инакомыслящими.

В сравнении с последствиями всего этого лихорадка Эбола покажется не страшнее насморка.

«Бежать с Колымы невозможно».

В. Шаламов. «Зелёный прокурор»

После смены принял я дома свои законные сто граммов и жду Маринку ужинать: она что-то на рынке задержалась. А тут ещё дети по своим кроваткам дружно взялись плакать. Только я занялся ими, как в комнату кто-то настойчиво постучал. Оказалось, незнакомый мужчина. Как видно, спешил, даже запыхался. Я решил, что это один из тех новосёлов, кому или электричество надо срочно подвести, или радио подключить. По этой заботе дорогу ко мне в общежитие все в округе знали.

Только мой гость незваный вместо магарыча сунул мне под нос документы энкавэдэшника:

– Хочу, Данильченко, пройтись с тобой.

Я растерялся.

– Жены нет... Как я детей одних оставлю?

Стали вдвоём ждать Маринку. Не теряя времени даром, энкавэдэшник порылся в наших вещах. Их было не так много. Само собой, на место он ничего не клал. Потом, чтобы как-то занять себя, сел возле детских кроваток и принялся газетой старательно отгонять мух от наших малышей.

Я через такую его неожиданную заботливость даже несколько поуспокоился. Да и авторитет у меня в наших вагоноремонтных мастерских немалый: передовик, рационализатор, спортсмен. Прошлой зимой участвовал в лыжном переходе. Шли несколько дней. Через плечо у всех красные ленты. Провожали и встречали нас с оркестром. На финише состоялся митинг. Сам товарищ Варейкис, член ЦК ВКП (б), наш воронежский первый секретарь обкома партии, пожал всем лыжникам руки. И ещё назвал нас под аплодисменты «гонцами коммунизма». Я рабочий человек, одним словом! Какие могут быть вопросы ко мне у органов?

Когда Маринка вернулась, так сразу и засуетилась с ужином: гость в доме.

– У нас срочное дело! – остановил я её. – Нам с человеком надо пойти потолковать...

За порогом я остановился:

– Говори, чего хотел!

– Не здесь, – сказал энкавэдэшник. – Для этого есть более подходящее место. Там тебя ждёт один человек.

По дороге я совсем успокоился. Если бы меня собиравались арестовать, так уже втолкнули в «воронку». Слышал я, как берут органы врагов народа. И делают это в основном по ночам. Значит, что-то здесь другое.

В райотдел НКВД вошёл я без всяких задних мыслей. Дежурный записал меня в журнал и повёл через внутренний двор к каким-то длинным кирпичным сараям в глубине. Там отобрали у меня ремень, сняли с тужельки шнурки, вытащили из кармана монтерский нож и плоскогубцы – инструмент, с которым я никогда не расставался.

Перед железной дверью камеры я было упёрся:

– Погодите, меня здесь один человек ждёт! Который привёл меня. Где он? Нам поговорить надо! Дежурный усмехнулся:

– Он занят.

– Всё равно передайте ему, что я тут!

– Обязательно передам...

Заступив порог камеры, я безрадостно огляделся. На одной из коек, согнувшись, сидел бледный полный мужчина.

– Здравствуйте! – сказал я, ещё не теряя оптимизма.

Толстяк тупо взглянул на меня:

– За что угодил сюда?

– Сам не пойму...

– Дурак! Ляпнул что-нибудь?

– Кто его знает. Я человек простой.

Принесли ужин. Принюхавшись к еде, я отодвинул свою миску.

– На такой харч у меня аппетита нет. Лучше поголодаю до завтра. К обеду меня, наверное, уже отпустят.

– Эх, ты! – чуть не взвизгнул сосед. – К обеду! А может быть, к завтраку? Они поторопятся... Тебя, небось, жена ждёт, детишки?..

– Ждут... – вздохнул я.

– Так вот пусть наберутся терпения... Лет на десять!..

– Не пугай! Я не уркаган и не враг народа!

– Дело говорю. Я здесь уже шестой месяц и кое-что понял. У нас на мехзаводе авария произошла, – меня и арестовали. Теперь хотят, чтобы я себя оговорил... По их логике, если я из бывших, то, выходит, самый что ни на есть вредитель.

«А может, ты и в самом деле враг народа?..» – мрачно подумал я и с той минуты уже рта с ним не раскрыл: и когда он попытался расспрашивать меня, какие новости на воле, и когда среди ночи вдруг ни с того ни с сего расплакался по-бабьи.

Все дни, которые мне пришлось провести с ним в камере, отношения между нами оставались натянутыми. Позже я очень пожалел о таком своём отношении к нему, но что-либо поправить было поздно. Мой сосед тоже замкнулся. Он теперь не заговаривал не только со мной, но и с теми двумя, которых через неделю посадили в нашу камеру.

К этому времени я уже привычно ел из тюремной

миски. Только вот со своим положением арестанта по-прежнему не смирился. Напротив, день ото дня в моей голове всё прибавлялось убедительных слов в доказательство произошедшей в отношении меня ошибки. Только выслушать их было некому. Про меня точно навсегда забыли. Допросы начались лишь на десятый день.

В полночь разбудили и повели к следователю. Тот сидел на втором этаже в большом сумрачном кабинете. Горела только одна лампа – настольная, под синим абажуром. Рядом на серебряном подносе – человеческий череп.

Слова, которыми я собирался защищаться, напрочь вылетели из головы.

Следователь спросил фамилию, имя, сухо поинтересовался годом рождения.

И вдруг перешёл на крик:

– В какой организации состоишь?! Троцкист?! Сколько вас?! Где храните оружие?! Какие инструкции получал от Варейкиса? Отпирательство бесполезно!

Я попытался что-то сказать. Он замахнулся наганом.

– Знаешь, куда попал? От нас живым не уйдёшь!

И рукояткой – в лоб. Кровь так и поплыла.

– В камеру! – слышу. Как видно, пожалел следователь свой кабинет. У него там персидский ковёр во весь пол лежал. Мне же того и надо: хоть какой-то перерыв, чтобы собраться с мыслями, понять, чего от меня добиваются.

И понял, когда мне пересчитали все зубы. Понял, тупо глядя на череп, похожий на дырявый булыжник...

...Недавно в октябре на заводе собрали митинг. Оказывается, наш Варейкис арестован. Будто бы он создал в Черноземье контрреволюционную правотроцкистскую организацию. Все возмущённо потребовали расстрелять этого врага народа как бешеную собаку. Я хорошо помнил этого человека, когда-то пожавшего мне руку. Взгляд глубокий, острый, но не колкий, располагающий к себе. Говорил без начальственного напора. И одет был скромно. Потом же все мы знали, что Варейкис награждён орденом Ленина. Вот и выкрикнул я с места: «А вдруг человека оговорили?! Партия разберётся!!!»

Только никто на мои слова не отозвался. Как не расслышали их за общим гвалтом.

...Но кому надо, оказывается, услышал.

Поняв в изоляторе, что из меня хотят сделать опасного государственного преступника, я не подпisał ни одного пункта обвинения.

В конце концов меня передали другому следователю. Этот с первого дня разрешил передачи и свидания. Не знаю, делал ли он так, потому что работал

в органах недавно, а до того учительствовал, или применял особую тактику?

Как бы там ни было, но и у него я ни в чём не признал за собой вины. Более того, я не сдержался и популярно объяснил ему, что мне ясней ясного, почему они взялись за это липовое дело с таким рвением: настоящий враг им не по зубам.

И меня отправили в общую тюрьму.

В камере на шесть коек оказалось четырнадцать человек, в основном уголовники. Всё лучшее по здешним меркам было для них.

Поэтому четверо политических: я, ещё бывший секретарь Варейкисовского райкома Воронежа, священник и бывший красный партизан, – на ночь укладывались попеременно вдвоём на одной койке и укрывались одним одеялом. Его нам не хватало на обоих, но чаще всего не хватало как раз партийному секретарю – батюшка, его сосед по койке, во сне изо всех сил тянул одеяло на себя. По этому поводу у нас среди ночи часто вспыхивали скандалы.

– Эй, интернационал поповский! – кричали тогда уголовники. – Не мешайте дрыхнуть!

Беспредел в камере продолжался до тех пор, пока один из блатарей не проиграл в карты глаз дежурного. Он взял деревянную ложку и начал стучать в дверь.

– Дежурный! В шестую! Скорей!

– Что надо? – спросонья отозвался тот и глянул в волчок.

Уголовник черенком ложки с вывертом ударил его в глаз. Тот выскочил и повис луковицей на ниточке.

Блатных отправили в карцер. Мы почувствовали себя почти вольготно, если не считать, что время от времени продолжались однообразные допросы. Следователи часто менялись, но методы оставались прежние: кто бил, кто прикармливал.

...Через полгода я что-то там несуразное подписал про призывы к ослаблению Советской власти, – сопротивляться больше не мог.

Меня судили в декабре тридцать седьмого.

Посторонних на заседании никого не было, но Маринку с детьми пропустили. Она пришла, чтобы показать судьям, с какими крохами остаётся одна.

Само собой, на приговоре это не сказалось.

Тяп-ляп, и за полчаса мне впаяли десять лет.

– Обвинение против меня вздорное! Никак не могу я быть врагом народа, потому что я сам – народ! Я ни в чём не виноват, и никакие ваши запоры меня не удержат! – сказал я в последнем слове.

Так в моём формуляре появилась предупредительная красная полоса: склонен к побегу.

На суде мне объяснили, что я имею право в пятидневный срок подать кассационную жалобу. Но я так и не смог выпросить у тюремного началь-

ства бумагу и чернила. Отчаявшись, написал жалобу огрызком карандаша на клочке газеты. Ответ, понятно, не получил.

В конце марта была подготовлена к этапу большая группа. Утром нас, человек четыреста, вывели во двор. Когда распахнули ворота, у меня волосы дыбом встали: толпа женщин возле тюрьмы разом взвыла. Они бросились к нам. Мелькнуло исхудавшее лицо Маринки. Солдаты окружили этап, раздались несколько предупредительных выстрелов.

Около часа конвою не удавалось навести порядок. Женщин было не оттащить. Они падали и хватались за наши ноги, за ноги солдат. Плач и мат перемешались. Воспользовавшись суматохой, двое блатарей смогли бежать.

В конце концов нас затолкали в товарные вагоны.

Маринка всё-таки нашла меня и подняла на руках старшенького.

Увидев отца за решёткой, он весело потянулся:

– Папа, это твоя хата?

– Ага, сынок... – отозвался я, стараясь не замечать мёртвый взгляд жены.

В это время подали паровоз, состав тронулся.

Женщины закричали в последний раз. И чем громче был этот вопль, тем тише становилось в вагонах. Самые матёрые уголовники и те уронили головы.

Где-то через неделю в соседнем вагоне уголовники доской от нар подважили дверь. Она упала. Люди стали прыгать на ходу. Поезд остановился. Открыв огонь, конвой бросился в погоню за беглецами. Только никого задержать не удалось: они уже ушли далеко в лес.

Стояли часа два.

Время от времени из чащи доносились выстрелы.

Нам раздали обед: постный перловый суп с затхлыми солёными помидорами.

...Наконец солдаты вернулись. Оказывается, они всё-таки убили одного из тех, за кем гнались.

В назидание нам труп пронесли на жердях вдоль эшелона. Мы с тревожным любопытством всматривались в забрызганное кровью лицо. Мне показалось, что на губах беглеца была дерзкая улыбка, словно ему удалось даже нечто большее, чем просто побег...

Теперь на каждой остановке охрана била деревянными молотками по стенам вагонов, проверяя их надёжность. Раз в ночь нас пересчитывали, перегоняя с одного места на другое. Если замешкаешься, попадало прикладом по спине.

За Уралом стало по-настоящему морозно, и в вагоны поставили буржуйки, дали нам немного угля.

На одной из остановок возле какого-то посёлка

мой сосед по нарам сладил из гвоздя крючок и поймал на него любопытную курицу.

Под хохот конвоя затянул её в вагон. В итоге мне тоже перепал и горячий бульон, и кусок крыла. Чистоту в ресторане побывал.

А по пути всё чаще стали попадаться лагеря, как один украшенные кумачовыми лозунгами. Всё чаще обгоняли друг друга составы с арестантами. Это было великое переселение народов, только в обратную сторону.

В Новосибирске в одночасье сошлись семь таких эшелонов.

– Откель, мужики? – кричат из одного.

– С Донбасса! А вы?

– Минск!

– Ташкент!

– Ленинград!

– Воронеж!

– Сталино!

– Москва!

И следом из «московского» мощное, дружное:

– Хлеба! Воды!!!

Утихомирить такое невозможно. Так что начальство начало поспешно отправлять самые беспокойные эшелоны. Тронулись и мы. Кстати, мой шустрый сосед, который недавно подрыбачил курицу, всё это время преспокойно лежал на нарах, закрыв глаза, и напевал сквозь шум: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» Пел он искренне, без подначки. Просто очень нравилась ему эта песня, её раздольная мелодия.

В Красноярске нас впервые за месяц сводили в баню, остригли наголо наши завшивевшие головы и наспех обрили физиономии. Попы, которых среди нас было немало, поначалу не давались, но их умело валяли, как баранов, держали за руки и ноги, придавив к полу. Блатных эта процедура вволю развеселила. А улыбнуться у эзков повод нечасто находился... Так что никто на них не обиделся.

Кстати, у многих политических в бане под шумок уркаганы увели деньги и одежду.

Наконец мы добрались до Иркутска. Это, считай, половина пути.

Когда проезжали по-над Байкалом, многие видели на высокой скале вырубленный человеческий череп, а под ним большими красными буквами печальная истина: «Я был таким, как ты... Ты будешь таким, как я».

Но живой думает о живом. Я всё время помнил, что впереди Уссурийск, куда уже почти закончены вторые пути так называемого БАМа, и там меня ждёт Маринка. Перед расставанием она обещала, что переберётся из Воронежа сюда к матери. Так что последние дни я особенно часто бросал через решётку

письма жене – сообщал примерный день и час, когда эшелон остановится в Уссурийске.

Там были мы за полночь.

Я пробрался в темноте к окну.

– Маринка... – поначалу негромко позвал я.

А потом уже крикнул настойчивей:

– Маринка!!!

– Чего орёшь, дурак?.. – сказал кто-то у меня за спиной. – Она о тебе давно забыла и уже в постели с другим.

Я сник: что возразишь этому человеку? Только на смех поднимут...

Стояли в Уссурийске час, но наше свидание с женой так и не состоялось. Возможно, Маринка не получила мои письма. Возможно, ещё что. Мало ли какая причина могла помешать ей прийти на станцию?

До самого утра, пока не прибыли во Владивосток, я не отходил от окна.

На новом месте туманно и сыро. Тепло пахнет морем.

Медленно, как больные, вылезали мы из вагонов. За полтора месяца разучились толком ходить. С непривычки болели и спина, и ноги. И бока. Болело даже то, что, казалось бы, болеть не должно. Однако от одной хвори эта долгая дорога через всю страну кое-кого излечила – от пьянки.

Пересыльный лагерь находился за скалой. На его воротах на самом видном месте висел плакат: «Добро пожаловать!» И жаловали сюда эшелон за эшелон.

Принимали на Ванинской пересылке строго по формулярам. Потом баня, прожарка одежды, и только тогда вели в переполненные бараки.

Четыре раза в месяц отсюда пароходами возили арестантов на Колыму.

Я попал в первую партию.

На пристань шли строем по десять человек в ряду. Конвой усиленный. Наша колонна из пятнадцати тысяч человек растянулась на целых два километра.

Вдруг в третьем ряду от меня какой-то зэк вёртко скинул свой прорезиненный плащ, а под ним у него – матросский бушлат. На повороте, где поглазеть на нас собрались любопытные из местных, он мигом припечатал на голову бескозырку и шмыгнул в толпу зевак.

Ещё и пошутить успел на прощание:

– А то и меня посчитают за арестанта!

Я невольно ждал, что сейчас раздадутся выстрелы. Но ни одного не было. Конвой побег не заметил. Оставалось только восхищаться такой находчивостью. Я до головокружения позавидовал «морячку».

В трюмы парохода мы опускались как в пропасть. Там уже через полчаса люди начали задыхаться.

Поднялся гвалт:

– Умираю! Пить! Капитана!..

Молчали те, кто потерял сознание.

Дышать становилось всё трудней. Лицо моё набрякло, словно я висел вниз головой.

– Товарищи! – подал голос врач из заключённых. – Кто может, срочно несите наверх тех, кому особенно плохо!

Я взялся помогать. Так у меня появилась возможность хотя бы время от времени полной грудью вдыхать свежий морской воздух.

Он сразу прибавил мне сил. Я решил что-нибудь придумать, но только не возвращаться в ад под палубой. Вижу: открыта дверь в машинное отделение. Я сунулся туда.

– Чего тебе?! – закричали на меня со всех сторон моряки.

– Как найти судового электрика?.. – глухо сказал я. Мне показали.

Он был на месте и играл в шахматы с механиком.

– Послушай, товарищ... – сказал я. – Мы задыхаемся в трюме. Помоги хоть мне. Я уверен, что у тебя много работы. Возьми в подручные!

– Я тут не распоряжаюсь... – нахмурился электрик. – Как механик решит.

Тот как раз думал над очередным ходом. В общем, ответ ждал я долго.

Очень долго.

Наконец ход был сделан. Он оказался удачным.

– Мат! – вдохновенно улыбнулся механик. – Ладно, возьми его... Хрен с ним. Всё равно отсюда никуда не сбежит.

Так я поселился в каюте электрика. Мне даже оформили свободный пропуск.

Вскоре я сидел перед миской наваристого флотского борща. Рядом стояла тарелка с жареной картошкой и гусятиной. Электрик достал из шкафчика бутылку спирта. Мне налил щедро, полкружки.

– Тяни! Если не справишься, можешь сразу уходить в свой трюм!

Я растерялся:

– Как же мне после такой дозы работать?

Электрик и себе щедро плеснул.

– Мне твоя работа не нужна. Поешь как следует и ложись спать. Тебя в Магадан не к теще на блины везут. Жалко мне вас всех...

Следующей ночью проходили пролив Лаперуза. Я, как фон-барон, мылся в душе.

Вдруг резкий свет ударил в иллюминатор.

Я кинулся на палубу: военный корабль, бдительно вперив в темноту огонь прожекторов и стволы орудий, решительно приближался к нам.

Дико вскрикивала сирена. А вдалеке у горизонта виднелось множество переливчатых огней. Явно берег... Чей?..

– Просим капитана! – крикнули в рупор с боевого корабля.

– Капитан слушает! – отозвались на нашем пароходе.

– Что везёте?

– Стройматериалы!

– Следуйте за нами на малом ходу! Вы оказались в японских территориальных водах!

Тотчас по команде капитана все трюмы с заклочёнными были задраены брезентом. Если люди задыхались и до этого, то можно представить их теперешнее положение. Позже я узнал, что трое там зажмурились навсегда.

«Что если японцы приведут наш пароход в свой порт?.. – с надеждой задумался я. – Они обязательно начнут осматривать его, найдут нас и освободят!»

Я огляделся.

«А если нет?.. Конвоя не видно! Попрытались... Может быть, не ждать и прыгнуть в море? Никто не решится стрелять в чужих водах!»

Японский берег казался таким близким...

– Ты что задумал?! – вдруг наскочил на меня электрик. – Смотри, Алёшка, влипнешь! И я заодно с тобой! Не шустри!!!

Пока я мешкал, огни военного корабля скрылись в неожиданно накатившем плотном тяжёлом тумане. Под его прикрытием наш пароход, раскрутив машины на всю мощь, поспешно сбежал в нейтральные воды. На двенадцатые сутки прибыли в Нагаево.

Когда нас встречали, на берегу бодро играл духовой оркестр. Однако у меня при виде голых, безрадостных сопков с редкими уродливыми берёзками сжалось сердце.

На второпях сколоченный помост забрался какой-то зэк из местных старожилов. Над ним пузырился размашистый кумачовый лозунг: «Труд в СССР дело чести, дело доблести и геройства!»

– Прошу десять минут внимания! – крикнул оратор, встав за трибуну. – Товарищи! Вас привезли сюда искупать вину! Будете хорошо работать – получите неплохую еду, добротную одежду, обувь и даже приличное денежное вознаграждение. Хлеб с маслом с обеих сторон и сладкий чай, считайте, обеспечены вам ежедневно! Но если вздумаете увильнуть от работы или вообще от неё откажетесь – пеняйте на себя! Таким век свободы не видать!

– А какая здесь работа, дядя? – раздалось из толпы.

– Золото откапывать!

– А если я его тут не закапывал?.. Значит, и вы-

капывать не обязан! – заключил остряк под общий хохот.

– Такие мудрецы здесь были и будут! – усмехнулся оратор. – Но жизнь их всегда заканчивалась печально... Я уверен, что вы в большинстве выберете для себя честный труд! А теперь – в столовую! Там для вас приготовлен хороший обед. И не толпитесь! Всем хватит!

Обед в самом деле оказался отменным. Даже после сытного флотского камбуза лагерное меню порадовало: мясо, каша с маслом, консервированные овощи и вдоволь солёная треска, кета.

Одним словом, не сразу обухом по голове.

В Магадан отправили пешком: тут пути километра три. Конвоя было заметно меньше, чем во Владивостоке. Оно и понятно – бежать отсюда некуда...

По весне многих из нас отправили ещё дальше на север, на прииски: трое суток везли на машине, потом мы плыли на барже. Я впервые увидел реку Колыму – полноводная, с красивыми берегами. И тянут по ней один за другим пароходы с баржами.

Удивило: столько ехали – край света! – а кругом люди, техника...

И, конечно же, опутанные колючей проволокой лагеря. В одном, как я узнал позже, осуждённые с тридцать второго года за колоски без амнистии, в другом – в Сеймчане – женщины, жёны «врагов народа». Отбывала тут срок и жена Тухачевского. И для них основная работа – лесоповал.

Когда мы ненадолго сошли на берег, женщины обступили нас и молчат... Как-то страшно молчат...

За Сеймчаном пароход напоролся на подводную мель – после бурного весеннего паводка сменился фарватер Колымы. Я и ещё трое поплыли на баркасе к берегу, чтобы зацепить трос за листовенницы. Шкипер рассчитывал стащить пароход с мели лебёдкой. Только трос, натянувшись, захлестнул шкипера и утянул на дно. Пока ныряли за утопленником, развязывали петлю, уровень воды упал настолько, что мель, на которую налетел наш пароход, успела оголиться. Теперь нечего было и думать, чтобы освободиться самим.

Три дня ждали буксир. Паёк для зёков урезали, пришлось поголодать. Кое-кто безуспешно пытался ловить рыбу. Я всё приглядывался, как бы отсюда бежать? Однако вид бурной реки отменил все мои сумасбродные планы.

Только на десятые сутки ночью прибыли на место – Новая Зырянка. Но и здесь на берег сошли не сразу. Ещё дня два жили на баржах, потому что не были готовы бараки. Арестантов в этих краях и без нас хватало.

Я попал в бригаду, которая тянула через лес линию связи в Верхнеколымск. Кстати, он меня разо-

чаровал. Только одно название что город: десятка два рубленых домов без крыш, – сверху на доски насыпана земля, уже давно поросшая бурьяном.

Работать выходили без конвоя. В первый же день нас так искушали комары, что мы перестали узнавать друг друга. За месяц бригада едва дотянула до города шесть пар проводов: мы часто отвлекались ловить в протоках рыбу – штанами и рубашками. Ловили удачно и ели досыта: варёную, жареную, вяленую. Куда ни ступи – ежевика, голубика, брусника. Много куропаток. Зайцев целые стада. И медведи встречались. Как-то один залез в продуктовую палатку – охранники убили его, а мясо сдали на кухню. Вообще поначалу нас кормили хорошо. После работы получали ещё и по семьдесят пять граммов спирта – от цинги. Помогало и от тоски, но не очень.

Кстати, деньги нам раз в месяц исправно платили. Мне, как монтеру радиостанции, было назначено восемьсот семьдесят пять рублей. Кое у кого из старых лагерников скопилось в матрацах тысяч до ста.

Радиоцентр устроили на берегу в церкви. Отсюда из окна мой начальник Столяров бил уток и гусей. После каждого удачного выстрела я в высоких резиновых сапогах лез в воду за добычей. Остальные птицы невозмутимо плавали рядом со мной. То ли ещё не научились бояться людей, то ли ослабели после перелёта. Сколько я их потом ощипывал, все тушки были тощие. И только однажды попался лебедь на полпути. Он разбился насмерть, сам, после того как Столяров подстрелил его чудосочную подружку.

В июне началось наводнение. Колыма быстро, в одну ночь разлилась километром на шестьдесят. По сёлку плавали лодки и катера.

Зёков снова переселили на баржи.

Мы со Столяровым остались в церкви, при радиостанции. У нас была лодка. Однажды Столярову удалось поймать в реке бочку с растительным маслом. Мука нашлась. Мы жарили на примусе оладьи и не знали голода.

Как-то вечером мимо радиостанции пронесло на льдине человека.

– Товарищи! Братцы!! Спасите!! Сволочи! На помощь!!! – кричал он, стоя на четвереньках.

Однако никто не рискнул поплыть к нему. Колыма кишела убийными льдинами. Вскоре они напористо сжали у затона наш пароход. Их пробовали взрывать и повредили его днище. Пароход стал тонуть. К нему подвели, как подпорки, две пустые баржи, установили на них насосы, чтобы наложить на пробину брезентовый пластырь. Но среди команды не нашлось охотников лезть в ледяную воду.

Тогда нырнул я. Потом меня обтёрли спиртом,

дали выпить. К этому времени вода в трюмах начала заметно убывать.

– Моряки зачуханные! – с досадой обратился капитан к своей команде. – И не стыдно вам? Зэк ради народного имущества рискнул жизнью, а вы? Последний раз хожу с вами!

Наконец Колыма вернулась в своё русло. Когда в посёлке подсохло, лагерники стали прокладывать узкоколейку к угольному карьере. Прорезая дорогой небольшую сопку, наткнулись на мамонта. Тысячи лет пролежал он в вечной мерзлоте, но мясо оказалось свежим. Всю тушу скормили нартовым собакам. Ели они охотно.

...Из бивней я в свободное время вытачивал шахматы, домино, игральные кубики, веера для жён начальников. Недостатка в заказах не было. Спасибо нашему деревенскому фельдшеру дворянину Льву Максимовичу Руженцеву: он и грамоте меня выучил, и ремёслам всяким. В том числе разным фокусам. Его во всей округе, между прочим, побаивались. А меня он выделил, к себе приблизил. Загадочный был человек, невероятные опыты физические делал. Будто бы даже дирижабль изобрёл, чтобы на нём до Луны полететь. Голову электрическую собрал и в шахматы с ней состязался. Когда Лев Максимович напротив неё за стол садился, то меня ставил рядом вращать ручку динамо-машины. Однако уже после первого хода голова начала чадить из ноздрей и ушей, искрить из глаз и, наконец, ярко, взрывчато вспыхивала. Как бы там ни было, но я благодаря ей накоротке освоился с электричеством. Ко всему прочему, сад Руженцева, внешне неухоженный, без тропок, с ядовитыми крапивными куртинами, во всей губернии славился невиданными сортами яблок, груш и всякими заморскими плодами вроде ореха грецкого, черешни и даже инжира. При всём при том этих грозных зарослей многие в округе побаивались. Дурная слава за ними водилась. Говаривали, что люди в его саду порой безвозвратно исчезали, если с нехорошими намерениями приходили. Вроде Руженцев построил тоннель в какую-то другую неведомую жизнь. Как бы там ни было, но когда в восемнадцатом нагринул за ним революционный отряд, так обратно уже из сада не появился. По крайней мере, никто из местных красноармейцев больше не видел. Сам же Лев Максимович тоже куда-то исчез. Как и его усадьба. Ни следа от неё не осталось. Словно по воздуху в неведомые дали перенеслась.

Я как узнал от соседских ребятишек про красноармейцев, так хотел сразу бежать на выручку Руженцеву, но отец меня не пустил, а чтобы я не ослушался, привязал во дворе к дубу вожжам.

Только Лев Максимович меня таким уловкам обу-

чил, что я легко на раз извернулся от пут, но нарушить родительский запрет не рискнул.

... В тридцать восьмом колымская вольница закончилась. В тот год взяли начальника Управления Мовсесяна, потом моего Столярова, следом – главбуха. Его жена успела покончить с собой: перерезала вены. Арестовывали одного за другим инженеров, капитанов кораблей, партработников, а в конце концов взяли попившего зэковской кровушки самого начальника Дальстроя Эдуарда Петровича Берзина. Будто бы японским шпионом оказался. А начальник здешнего НКВД Фёдоров застрелился в своём кабинете.

Для вновь арестованных стали спешно строить тюрьму, а до того долго держали в палатках в энкавэдэшном дворе.

Однако новый казённый дом первыми заняли зэки из крестов Зелёного Мыса, что возле Нижнеколымска. Привезли их оттуда человек двести, но они здесь долго не задержались: ежедневно на вечерней поверке зачитывались приказы о расстреле всё новых и новых зелёномысцев. Да и на какую пощаду им можно было рассчитывать? Несколько месяцев назад, в феврале, они подняли в своём лагере восстание: начальника охраны убили, солдат заперли в изоляторе. На Зелёный Мыс нагрязнула военная экспедиция...

Порядки и быт в лагерях резко изменились. Пайки урезали. Не стало для нас и продуктовых ларьков. Мы забыли о зарплате.

Вместо спирта от цинги стали давать хвойный отвар, от которого лагерники ещё больше болели. Если раньше поверки делались в бараках и палатках, то теперь нас после десятичасового рабочего дня поздним вечером по звону рельса созывали во двор.

Уставшие и голодные, мы еле выползали на эту длинную, изнурительную процедуру, которую не отменяли ни нередкий семидесятиградусный мороз, ни сумасшедшая метель.

Построит нас лагерное начальство и начинает выкликать фамилии. А их почти тысяча. И каждый должен в ответ чётко назваться, выкрикнуть свою статью и срок. Продолжалось это часа по два.

Но только разойдутся лагерники и улягутся, как снова их зовёт рельс: малограмотная охрана запуталась в своих талмудах. Что-то у них там не сошлось. И процедура проверки повторяется. Порой эти мучения растягивались далеко за полночь. А подъём – в пять... Некоторые на такой поверке умирали.

Но ещё делались попытки сохранить видимость сносных условий в лагерях. Был у нас организован кружок самодеятельности. Руководил им какой-то народный артист. Само собой, из зэков.

Зрителей в клубе всегда собиралось много. На первых рядах начальство с жёнами, за ними охранники, дальше – вольнонаёмные, «вольняшки». А на сцене – тощие, полубморочные зэки с неестественно длинными из-за худобы шеями что есть мочи тянут песню о том, как весело и привольно живётся в нашей стране.

Да и как не тянуть, как не стараться, если артистов после концерта ждёт спасительный гононар – двести дополнительных граммов хлеба и рыбная котлета каждому.

Я не был мастак петь, а вот фокусы, каким меня фельдшер Руженцев обучил, показывал. Я их сотни две знал. Спичечный коробок словно сам собой поднимался у меня по руке. Носовой платок то становился на угол, то ложился плашмя на стол. Моне-та проваливалась сквозь стол в кружку.

Между прочим, как-то ещё до лагерей эти фокусы даже подвели меня. Мы тогда с Маринкой стояли на квартире. В один из вечеров я под настроение кое-что из них показал хозяину с хозяйкой.

Сам глядел на меня с восхищением, а вот жена – подозрительно.

И вдруг тихо так говорит:

– Ты, Алёшка, колдун! Я тебя боюсь... Ты не обижайся, но, пожалуйста, ищи для себя другую квартиру...

И ушла ночевать к соседям.

На другой день мы с женой съехали.

...Осенью тридцать восьмого я впервые получил от Маринки письмо и фото (его вскоре украсили: Маринка у меня красивая).

К этому времени начальника Управления Мовсесяна сменил Белоцерковский, а Белоцерковского – Шубин. Через месяц и его арестовали вместе с женой. Я видел, как их водили на допрос: лица перекошенные, лилово-синие, икры ног отёчно распухли, так что голенища сапог разрезаны чуть ли не до самых каблучков.

После Шубина наше управление возглавил Жданов. И сразу же посадил лагерников на тощую баланду, чтобы его за экономию высокое начальство отметило.

Однажды вызвал меня, сунул два больших куса мамонтового бивня и велел выточить шахматы. За работу пообещал восемь красненьких тридцаток, масло, сахар, консервы и две бутылки спирта. Божеская цена! И было ясно – не обманет. Одно только условие поставил: никому ничего не говорить и продукты в зону не заносить.

Но словно сорвалось что-то у меня в душе. Ты никто, и звать тебя никем. Такой же, как я. Как все мы тут. Даже стреляют вас чаще. Но почему ты барином передо мной стоишь, щёки надуваешь? Наш Ружен-

цев не в пример тебе был родовитый дворянин, а и то во мне человека видел, учил грамоте, физике, задачки геометрические решать.

– Насчёт шахмат не смогу... Руки уже не те стали... – глухо выдохнул я. – И не просите!

– Скотина неблагодарная... – сдержанно сказал Жданов. – Ну, Данильченко, считай, отхавался ты и чёрного, и белого!

На следующий день я уже не был электриком. После развода меня под конвоем отправили загрывать углём баржи. Здесь ко мне придрались, что на телогрейке нет пуговицы, а вечером на проходной мне дали прочитать наскоро состряпанный приказ: «За демонстративное появление в непопозволенном виде водворить в штрафной изолятор сроком на пять суток с выводом на работы».

После ужина за мной в столовую пришёл дежурный, чтобы отвести ночевать в холодный «шизо».

– Пока не поговорю с начальником лагеря – никуда не пойду! – упёрся я, вдруг ощутив решимость постоять за себя. – С места не стронусь! Это производ!

– Смотри, хуже будет... – сказал дежурный, но отступился.

Через некоторое время открылась дверь палатки и меня окружили трое: староста, нарядчик и воспитатель.

– Ты почему не пошёл в изолятор?

– Требую начальника лагеря!

Нарядчик бросился мне под ноги. Меня попытались свалить.

Кричу что есть силы:

– Начальника!!!

А он тут и входит. Как видно, за дверью стоял. И с ним ещё двое энкавэдэшников.

– Я здесь, – говорит. – В чём дело?

– Данильченко оказал сопротивление! – доложил староста.

– Зря я, значит, белым хлебом вас кормлю? – усмехнулся Жданов своим холуям. – Арестанту шею обломать не можете?!

Он ловко ухватил меня за шиворот и потащил к двери.

– Гражданин начальник! – закричал я у него из-под руки. – Брось! Выслушай меня! Дай пять слов сказать!

А он ещё больше пыжится:

– Ничего не хочу слушать! Я про тебя, гнида, и так всё знаю!

И тут мне стало не по себе. Такое недавно было со мной, когда я отказался делать Жданову шахматы. В общем, не заметил я, как перешагнул черту: отшвырнул от себя начальника лагеря в угол палатки и замахнулся на него невесть как оказавшимся у меня в руках бачком от умывальника.

И вдруг слышу откуда-то из-под ног его вопль:

– Применить оружие!!!

Один из энкавэдэшников, Негадов, выдернул наган из кобуры. Выстрел был прямо мне в лицо. Но я – невероятное везение – на миг раньше поскользнулся, и пуля пролетела в пустоту. Правда, своё дело она в какой-то мере исполнила: пробила ухо подхлотившему к палатке кочегару. Но об этом я узнал потом, а сразу после выстрела – потерял сознание. Не у всякого выдержат нервы, когда в него в упор палят.

– Доигрался! Тащите труп из палатки! – раздавалось надо мной.

Воспитатель и нарядчик ухватили меня за ноги. Когда поволокли, я пришёл в себя и машинально попытался вырваться. Они отскочили.

– Жив!..

– Встать! Руки вверх! – скомандовал Негадов.

Я покорно выполнил приказ.

– Следуй вперёд!

Мы пошли. Негадов громко сказал у меня за спиной:

– Первый раз я промазал! Только заруби себе на носу: не жалец ты! Я тебя всё равно теперь прикончу!

Я знал, что это говорилось не для красного словца.

И стал я искать возможность поскорей распроситься с Новой Зырянкой и Негадовым. Как никогда начали томить меня мысли о побеге... Не раз с тоской вспоминался мне лунный дирижабль Льва Максимовича. Но да что теперь об этой фантастике рядить-городить.

А тут и конкретный случай подвернулся: из нашего лагеря должны были передать в бухту Амбарчик четыреста человек для выгрузки пароходов. Я попросил знакомую телефонистку Быкову, чтобы она убедила своего мужа, начальника учётно-распределительной части, включить меня в список для отправки этапом. Я горько признался ей, что если она этого не сделает, то Негадов в самое ближайшее время застрелит меня. Быкова пообещала уговорить мужа и слово сдержала.

Вскоре погрузили нас на две баржи и потянули вниз по Колыме.

Сопровождали этап только два конвоира. Так что в пути мы чувствовали себя вольными людьми. В Среднеколымске сделали остановку и запаслись у якутов юколой. Дорогой ели её вдвоём.

Наконец показалось вдали мрачное Восточно-Сибирское море. Правда, по незнанию мы считали, будто видим перед собой сам Ледовитый океан. Я представлял его себе с плавающими айсбергами, но ничего подобного не было: только серо-синяя морозная хмарь.

В бухте Амбарчик наши баржи пришвартовались у пристани. Нам велели побыстрее выгрузиться и идти в зону спать. Было двенадцать часов ночи, но ещё достаточно светло. Размытый шарик северного солнца как застрял над горизонтом. Конец июля, а погода день ото дня холодней. Чудна наша планета! Чего только нет на ней...

Утром нас разбили по бригадам и повели на работу. Без конвоя! Я понял, что правильно поступил, напросившись сюда. Меня и ещё девять человек поставили разгружать баржу с продуктами. Я такого харча уже давно не видел: копчености, сало, сыры, соки. И для кого только?.. В общем, не удержались мы и кое-что стали потихоньку брать. Десятник заметил. Реакция его была самая неожиданная:

– Кушайте, ребятки, что хотите, открыто! – щедро улыбнулся он. – Вот тут колбаса, там – масло, конфеты «Мишка на Севере»... Лучшего пока нет. Только в зону ничего не берите. Иначе у меня и вас будут большие неприятности...

Никто не послушался. При всём при том я понимал, что наше удовольствие очень даже временное. Сегодня как сыр в масле катаемся, а завтра пошлют разгружать уголь или соль.

Осмотревшись, я начал украдкой заготавливать самое необходимое для побега. Удобней момент придумать было нельзя: на работу и с работы мы ходили по посёлку свободно. Если тебе хотелось побродить по здешним улочкам, то и это не возбранялось. Правда, особенно здесь не находишься: всего-то с десяток халуп, конюшня, баня – вот и весь посёлок Амбарчик.

Первый мой план побега был таким: идти вверх по Колыме до реки Омолон. Омолоном подняться километров на триста пятьдесят, перевалить хребет и выйти к реке Анадырь. Сделав плот, по ней и её притокам углубиться в сторону Чукотского полуострова. Уже оттуда, в тумане, дойти по льду до Аляски.

Под сопку, неподалёку от лагерной конюшни, я стал прятать в снег краденое: полмешка белой муки, мешок риса, соль, спички, маленькую палатку, два полушубка, ящик сливочного масла, болотные сапоги...

Оставалось самое сложное – подыскать подходящего напарника. Одному побег по такому плану, какой был у меня, – верная смерть.

Как-то наш тракторист вёз сани с дровами и подсадил меня. Рядом, недолго думая, пристроились два блатаря. По дороге они поссорились. В итоге один другого хватил поленом по голове. Раненый обмяк и захрипел. Недолго думая, второй толкнул его в снег, а меня предупредил:

– Смотри, помалкивай. Не то сам знаешь, что с тобой будет.

Однако через два дня ко мне подошёл арестант, которого я уже считал мёртвым.

– Тебя скоро вызовет следователь. Ты скажешь всю правду. Иначе гляди, мужик...

Итак, за спиной у меня Негадов, а впереди уголовники, из которых не один, так другой однозначно расправится со мной.

Первым делом я подошёл к своему соседу по нарам Грише Нечепуренко:

– Есть, друг мой, возможность драпануть. Как ты на это смотришь?

– С тобой – согласен!

– Тогда не станем тянуть. Сегодня отваливаем.

– Что так сразу?

– У меня всё на мази.

Гриша наконец сообразил, что разговор не шуточный.

– Надо подумать... – замялся он.

Я всё понял:

– Ладно, друг мой, я тебе ничего не говорил.

– Зуб даю!

Я отошёл и присел на нары возле нашего лагерного конюха:

– Ванюша... Не пора ли нам с тобой на волю? Ведь обидно: ни за что срок тянем! Ни урки мы, ни политические.

У него даже слёзы на глазах выступили. Иван согласился безо всякого, только план мой существенно подправил – бежать предложил на лошадях. Он их подготовит, и мы весь груз, припрятанный мной возле сопки, навьючим на лошадиные спины.

Конечно, заманчивый у Вани вариант оказался, но не без изъяна. В тундре с лошадьми нас могут легко заметить местные и поймать. Им за это хорошо платят: деньгами, мукой, порохом...

В конце концов мы с Иваном решили, что нам нужен человек, который знает здесь все пути-дорожки. Искать долго не пришлось.

В лагерь на днях определили старика чукчу: этот большой умник будто бы пытался перегнать на Аляску стадо оленей, а на самом деле просто заблудился в пургу.

Я сразу решил – он будет нашим проводником. Но как и где договориться с ним без посторонних глаз? Из зоны старика не выпускали. Он работал при столовой, дрова пилил.

Понимая, что рискую многим, я подошёл к нему:

– Здорово, отец!

– Здравая, санок! – засмеялся старик, резко дёргая пилу.

– Ты и я – айда тайга! – ломаю язык.

– Ты и я айда тайга! – весело повторил он за мной.

– Лошади, Берингов пролив...

– Гы-гы! Лошадка Беринга!..

Стало ясно, что старик ничего не понимает и вряд ли поймёт. Я помог ему допилить дрова и ушёл, но из своих планов его окончательно не вычеркнул. Заставить меня отказаться от мысли о побеге было уже невозможно. А тут ещё Маринка приснилась... Плачет, что детишки наши вроде как умерли... Чёрт знает что приоблазнится арестанту!

Накануне побега я ещё раз проверил запасы. Иван приготовил лошадей. Между прочим, мы с ним, собравшись на волю, даже курить бросили! Во-первых, чтобы лишний раз проверить твёрдость характера. Во-вторых, курящий даже в бегах, завидев чью-нибудь лодку или палатку, обязательно полезет спросить табачку, а это лишний шанс ни за что погубить себя.

В тот день мы с трудом дождались темноты...

И вот наконец я захожу в палатку, где спит старик чукча. Решил вывести его наружу: он не глупей нас и, оглядевшись под звёздами, быстро всё поймёт про лошадей и Берингов пролив. Если, конечно, он не хитрит. Но как его найти на нарах? Народу в палатке немало. Я заволновался и стал искать нашего «проводника», тормоза всех подряд. Одно одеяло сбросил, другое... Это никому не понравилось.

В палатке поднялся шум, и мне пришлось уйти ни с чем.

На другой день все мои планы, к огорчению Ивана, поменялись. После развода начальник лагеря приказал нарядчику срочно собрать дополнительную бригаду и послать на пароход «Мироньч»: тот в полдень отходил на Ленинград, и надо было успеть вовремя разгрузить трюмы.

Я загорелся попасть в эту бригаду.

И вот что значит – удача! Когда её строили, мне удалось встать в шеренгу. А под бушлатом у меня – хлеб, колбаса из моих «беглых» запасов.

У пирса нас ждал катер. Взяв бригаду, двадцать семь человек, – он сразу отчалил и пошёл в море к «Мироньчу».

Было десять часов утра двадцать девятого августа одна тысяча девятьсот тридцать девятого года. Пароход стоял на рейде в двенадцати километрах от берега.

В пути несколько раз успела поменяться погода: то наваливался грузный туман, то вдруг ударял дождь или принимался падать комьями сырой снег.

Я сидел на корме за перегородкой и, нахоловшись, судорожно обдумывал новый план побега.

Метров за сто от «Мироньча» с него крикнули в рупор:

– На катере! На катере!!!

– На катере слушают!! – бодро отозвался старший.

– Бригаду везёте?!

– К вам!!

– Вы здесь уже не нужны! Ночная бригада скоро всё сама закончит. Идите назад!!

– Лево на борт! – радостно скомандовал старший. Отворачивая, наш катер оказался рядом с баржей, пришвартованной к «Мироньчу».

Я прыгнул на неё. Не раздумывая. Я прыгнул, когда мы поравнялись с рулевой рубкой. Словно кто-то невидимый меня подхватил и мигом перенёс с одного места на другое.

Прыжок – и сразу за дверь.

Уже из рубки тайком глянул в сторону уходившего катера. С него мне помахал рукой Гриша Нечепуренко. Удачи пожелал.

Я взял палец в зубы: мол, помалкивай, друг мой!

Он улыбнулся.

Набирая скорость, катер скрылся за снежными комьями.

Я настороженно осмотрелся. На барже как будто никого, хотя на подоконнике каюты лежали свежие газеты. Я машинально прихватил их с собой.

С «Мироньча», приманывая, свисал верёвочный трап. Я мигом поднялся по нему. Помахивая газетами как ни в чём не бывало, направился по палубе к угольной яме. Она оказалась засыпана под самый потолок: дорога «Мироньчу» предстояла дальняя.

Я полез наверх и почти полчаса разбирал угольные завалы. Свой проход, чтобы сделать его незаметным, старательно забросал. Но у борта вырыл небольшое углубление и улёгся. Лишь теперь я заметил на руках кровь и почувствовал боль. Пробираясь сюда, я посбивал ногти и изрезался. Но да всё это не беда. Главное – свобода!

Только свобода ли?..

Вот уже колокол ударил двенадцать часов, а пароход стоит. Слышно, как работает кран. Кто-то пробежал по палубе.

Я лежу, зализываю кровь.

Опять звякает колокол. Это два часа. Кран, кажется, наконец остановился.

«Ну, – думаю, – пора бы отходить!..»

Но нет.

Бьёт шестнадцать часов.

Пароход стоит.

В голову полезли очень даже невесёлые мысли: может быть, старший уже хватилс меня? Или Нечепуренко проговорился ради дополнительной пайки?..

Колокол насчитал десять вечера.

Пароход стоит. Теперь-то он будет стоять... Как видно, уже начались поиски, сейчас придут и сюда. Наверняка «Мироньч», как полагается, получил приказ задержаться до прибытия опергруппы. Эти станут искать с собаками. Ясней ясного, чем с минуты

на минуту закончится мой побег. Особенно если здесь окажется кто-то вроде Негадова.

Истерзавший мою душу колокол отметил полночь.

Я окончательно убедился, что «Мироныч» не уйдёт, пока не будет сделан тщательный обыск.

В это время на пароходе, подтверждая худшие мои опасения, взвыла сирена.

Тревога?..

Я уныло подумал: «Опера прибыли...» И стал прислушиваться: с собаками или нет? Хотя, в принципе, какая разница. В любом случае меня разыщут. Даже лучше, если быстрее.

Но не прошло и десяти минут, как «Мироныч» вдруг дал гудок. Ему откликнулись другие пароходы. Я не поверил своим ушам. Это же прощальная перекличка!

«Мироныч» ещё раз солидно прогудел, – и заработала машина.

Стали со скрежетом поднимать якоря.

«Чур, чур!» – горячо пронеслось в голове.

Я перекрестился и тихо проговорил арестантскую молитву: «Господи! Вынеси меня из этого ада! Пошли мне в пути пищу и возможность драпануть в первом попавшемся порту!»

Теперь можно было и заснуть. И я заснул.

...К утру руки-ноги задеревенели от холода. Я понял, что долго здесь не выдержу. Надо перебираться поближе к кочегарке. Стал делать ещё один проход. Копал уголь, пока не долез до тепла над кочегаркой. Здесь согрелся и немного поел из своих запасов. А потом снова уснул. Спал лучше, чем дома на перине.

Через сутки мне впервые захотелось пить. Этого я по неопытности не предвидел. Считал, что от недоедания жажды долго не будет. Но с каждым часом она становилась всё сильнее. И наконец сделалась невыносимой. А тут ещё я нашёл в металлической стенке отверстие от выпавшей заклёпки и через него теперь мог видеть коридор, дверь в кают-компанию, а возле неё бачок с водой, кружку на цепочке. Над бачком – шкафчик, из которого матросы время от времени брали хлеб, колбасу, сыр и сахар.

В общем, обзор мне открылся что надо...

Не глядеть бы в эту дырку, да только глаза сами тянутся.

И я отчаянно решил ночью сходить к заветному бачку, а заодно сделать ревизию шкафчика.

Дождался темноты.

Вот уже никого нет на палубе. Пусто в коридоре. Я быстро проделал ход к двери, встал на ноги. Озираясь, прошёл по трапу, открыл железный люк.

И не ошибся. За ним в углу висел тот самый заветный бачок.

Я вылил в себя две литровых кружки благодат-

ной холодной воды, добавил третью и прихватил немного пилёного сахара и колбасы. Хотелось взять больше, но я опасался, что это будет заметно.

Выпив через силу ещё одну кружку, я осторожно направился в свою угольную берлогу. По дороге спохватился, что не взял воды про запас. Ведь мог же найти какое-нибудь ведро. В конце концов, банку. Однако возвращаться показалось мне рискованно.

На вторые сутки у меня после колбасы и сахара снова разгорелась нестерпимая жажда. Стало трудно дышать. Слюны не было.

Я никогда ничего подобного не испытывал. Стало ясно, что я или сойду с ума, или сдамся...

Надо мной через угольную яму тянулась водяная труба, и я попытался проковырять её перочинным ножом на фланцевом соединении. Возился долго и старательно.

Наконец вода закапала! Но моя радость была огорчена: она оказалась морской.

А среди дня в угольную яму вдруг вошли двое.

– Подай переноску! – сказал один.

И слышу – лезет в том самом месте, где я пробирался первый раз.

Сомнений не было: ищут меня.

– Ну что там, Саша? – донеслось. – Есть какие-нибудь признаки?

– Вроде есть, а вроде нет... Погоди, попытаюсь ещё немного пробраться вперёд.

Моя яма была достаточно надёжно забаррикадирована кусками угля. Затаив дыхание, смотрю в щель. Видно свет лампы. Он приближается. Саша, почти добравшись до моего укрытия, поднял переноску и стал куда-то вглядываться. Я хорошо видел его руку с татуировкой.

– Какие дела? – опять раздалось от двери.

Я напрягся. Чтобы обнаружить меня, Саше оставалось пролезть под балку. Однако он то ли не догадался, то ли не захотел этого делать.

Лампочка отодвинулась. Переговорив о чём-то, эти двое наконец ушли.

Теперь я снова не отрывался от дырки, через которую был виден бачок. Он подтекал, и это удесятерило мою жажду. К вечеру я был готов умереть за глоток воды. Мысли копошились в голове, словно черви на солнцепёке. Порой я плакал, но без слёз. Откуда им было взяться?..

Минута за минутой, час за часом отчаянно ждал, пока команда разойдётся спать. Но у матросов сегодня, как назло, был какой-то праздник. Они допоздна гуляли в кают-компании: играли на баяне, пели песни, потом заспорили. Один всё время задиристо бросался в драку. Его уговари-

вали, удерживали, а потом скрутили руки морским узлом и силой уволокли в каюту.

Далеко за полночь я выполз из своей берлоги, но встать на ноги сразу не смог – меня заваливало. Обессилел без воды.

Держась за стенки, кое-как направился к бачку.

Ночь. На мачте горит слабый топовый огонь. Шатаюсь, добрался до той двери, которая мне нужна.

Бачок пуст.

Я упал на колени. Рядом увидел помойное ведро и радостно вцепился в него. Хотелось поскорей наглотаться хоть какой-нибудь жижицы. Не чувствуя брезгливости, судорожно зачмокал губами, но впус- тую. В ведре тоже ни капли. Одни отходы.

Тогда я решил пройти на корму. Знал, что там есть рулевая паровая лебёдка и, значит, должен течь конденсат.

Приоткрыл дверь в небольшой узкий коридор. Справа и слева ещё двери. Заглянул в одну, а там на крючьях вдоль стены висят огромные серебря- стые нельмы. В каждой пуда по два жирного сочного мяса. За другой дверью – оленьи туши. Только мне сейчас было не до этого богатства. Даже прошёл равнодушно мимо большого плава- ющего компаса, хотя слышал, что он на спирту. Я искал воду и больше ничего не хотел.

Наконец увидел паровую лебёдку. Она вдруг заработала, и тотчас забегали два поршневых шатуна. Через сальник зашипел пар. Я нетерпе- ливо попытался уловить ртом хоть немного влаги. И обжёг губы. Ещё раз попытался и теперь едва не ошпарил всё лицо.

И вдруг бросился мне почему-то в глаза иллю- минатор, задраенный чугунной крышкой. Я кое- как открыл его и, потянувшись рукой, нащупал стеклянные банки. Ухватил одну: компот яблочный консервированный! Засмеялся – и лезу за второй. Виноградный сок! Периковый! Сливовый!

Я обставил себя банками – не унести. Сел меж- ду ними и стал мечтать, как сейчас найду мешок, утяну всё это море питья к себе в угольную яму и нахлебаюсь до рвоты!

Хотел тут же сорвать хоть с одной банки метал- лическую крышку, но только дёсны порезал. Кро- ви не было, загустела без воды.

И вдруг открывается входная дверь. Вначале показалась чья-то рука, а в ней гаечный ключ и молоток.

Вошёл матрос в рабочей робе. Увидев меня, оша- лело ахнул. Молоток и ключ попадали на пол.

– Не пугайся, браток... – шепнул я.

Он скакнул обратно за дверь и с воплем бросился по палубе. Я пригнулся. Что делать?.. Куда девать- ся? Вот уж попался так попался!

Только теперь я обратил внимание, что свет здесь был от переноски. Как я сразу не догадал- ся на этот счёт. Значит, кто-то тут работает, но отошёл. Наверное, слесарь ходил за инструмен- том и так не вовремя вернулся. По небольшой ле- сенке я вылез через отверстие в потолке на кор- мовой мостик. Там стоял большой деревянный канатный ящик. В него я и спрятался. Через неко- торое время вижу в слабом свете, что в мою сто- рону бегут человек восемь с винтовками. Завыла тревожная сирена.

Кто-то настойчиво крикнул:

– Выходи по-хорошему! Иначе стрелять будем!

Я промолчал.

Тогда мне повторили приказание уже несколько голосов:

– Сдавайся! Последний раз предупреждаем!!

Легко сказать. Ведь если я сейчас встану из ящи- ка, они могут выстрелить. Нервы просто возьмут и не выдержат напряжения момента.

И пошёл я тогда на хитрость.

– Сейчас! – отвечаю, и, взяв лежавшую под но- гами метлу, надел на неё свою шапку. Медленно поднял «заманку» над ящиком. А для себя уже ре- шил: если выпалят по ней, то останется одно – прыгать за борт.

Прыгать не пришлось.

Увидев мою шапку, мне крикнули:

– Слезай!

И я повиновался...

Мне крепко заломили руки. Матросы гурьбой шли за мной. Наверное, проснулась вся команда. Боц- ман цыкнул на них, – зеваки нехотя отступили.

Меня привели к капитану.

В его каюте изысканная корабельная чистота и порядок. Резкий свет яркой фарфоровой люстры и блеск больших, ёмких зеркал на мгновение ос- лепили.

Посыпались вопросы: «Кто такой? Как попал на пароход?»

Я вздохнул:

– Ничего сейчас не скажу.

Все в каюте затихли.

– Почему ты не хочешь говорить?.. – сдержанно спросил капитан.

– Дайте пить...

– Водки? Вина?

– Воды... – прохрипел я.

Капитан шагнул к большому буфету красного дерева, вынул оттуда бутылку боржомом, откупорил и стал медленно наливать в тяжёлый хру- стальный стакан. Я лихорадочно следил, чтобы он не пролил ни капли. У меня всё тело тряслось. Я не верил, что мне дадут хоть глоток.

И когда капитан протянул стакан, я схватил тот обеими руками.

Выпил залпом, с обморочным азартом.

– Не спеши, успокойся, – сказал капитан. – Ещё хочешь?

– Ох, как хочу! – вскрикнул я.

Я выпил три бутылки прекрасного горного боржоми.

– Теперь сможешь говорить?

– На любой вопрос отвечу! – взбодрённо выдохнул я.

– Ладно, потом... – смягчился капитан. – А сейчас ступай, отмойся. На тебя страшно смотреть! Живой чёрт! Слесарь перепугался так, что до сих пор не может прийти в себя!

В душ меня сопроводили механик и боцман.

– Смотрите, чтобы за борт не прыгнул! – строго крикнул им вслед капитан.

Меня цепко взяли за руки. И снова за нами увязались матросы. Кое-кого из любопытных я «знал» – видел у того самого бачка в дырку. Когда они подступили к нам слишком близко, боцман разбросал их как щенят.

– Ты куришь?.. – спросил по дороге механик.

– Курю, – сказал я, – но у меня угостить нечем.

– Я не в том смысле, – усмехнулся он и протянул пачку «Беломора». – Между прочим, я тоже сидел в тюрьме... Так что ты меня не бойся и скажи откровенно, кто тебя посадил к нам на пароход? Доверься: так будет лучше для всех нас.

Я прикурил и после первой же затяжки всё в голове у меня поехало-понеслось. Чувствую, ноги не держат. Я упал.

Меня подняли.

– Ничего страшного... – усмехнулся механик. – Это бывает. Ну, мойся от души!

И я помылся и постирал своё бельё жидким зелёным мылом, которого в душевой оказалось более чем достаточно.

Мне дали новую льняную матросскую робу. Я аккуратно надел её, и мы снова направились к капитанской каюте. На этот раз провожатые уже не держали меня за руки, шли рядом. Наверное, я стал более-менее похож на человека. Хотя было бы неплохо ко всему, скажем, и побриться. Я оброс, глаза ввалились, волосы взлохмачены.

При моём появлении капитан невесело улыбнулся. В каюте был ещё один человек. Я узнал его. Он искал меня с лампой в угольной яме, да не рискнул пролезть под балку. Это оказался помощник капитана по политчасти, помполит.

– Фамилия? Чётко!

– Кузнецов, – почему-то соврал я.

– Отвечай честно и откровенно.

– Кузнецов... – тупо повторил я.

Капитан взял со стола радиограмму и прочитал: «На вашем пароходе из бухты Амбарчик бежал заключённый Данильченко Алексей Павлович. Просим задержать и возратить для привлечения».

– В кармане вашей телогрейки мы нашли столовскую лагерную карточку на то же самое имя... – устало отметил помполит. – Отпирательство бесполезно.

– Да, всё верно... – вздохнул я. – Я Данильченко.

– Кто посадил тебя на пароход?

– Сам пробрался.

– Опять врёшь.

– Истинная правда!

– А где отсиживался?

– В угольной яме.

Капитан достал из сейфа пачку паспортов и стал показывать мне фотографии.

– Узнаёшь своего сообщника?

– Первый раз вижу этого человека.

– Гляди дальше.

– Никого не знаю.

– Сам ты сесть никак не мог!

– А вот сел же!

– Мы зря теряем время... – вздохнул помполит.

– У заключённых в понятиях закон не выдавать тех, кто им помогает.

Капитан отмахнулся.

– Алексей Павлович, хорошо подумайте над моим вопросом. Нам, комсоставу, нужен на него честный ответ. Мы ходим в заграничье, и каждый из команды должен быть для нас предельно прозрачен. Уверяю, что не стану наказывать вашего сообщника, а только спишу его на другое судно.

– Я десятый раз говорю вам, что всё сделал сам! – с досадой вскрикнул я. – С катера перепрыгнул на баржу. С баржи по верёвочному трапу залез на пароход.

– Если вы сейчас чистосердечно признаетесь, то в первом же порту, обещаю, отпущу на все четыре стороны... – тихо проговорил капитан. – В противном случае вам будет очень плохо. Вы в наших руках. Что захотим, то с вами и сделаем. Запру в канатном ящике и буду выдавать в сутки двести граммов хлеба и стакан воды.

– В таком случае я сейчас укажу на любого из вас! – набычился я. – И пусть он попробует потом доказать, что не содействовал мне!

После таких слов все, кроме капитана, отскочили от меня.

– Что ты за человек, Данильченко?.. – вздохнул он.

– Ты сорвал нам навигацию. Из-за тебя придётся идти обратно!

– Если бы все пароходы возвращались из-за беглецов, то связь с материком уже давно прервалась! – усмехнулся я.

– Так много вашего брата развелось?

– Больше, чем вы думаете! – заверил я, однако насторожился: неужели они действительно вздумают повернуть? Для меня это было бы самое худшее. Возможно, конец.

– Товарищ капитан! – сказал помполит. – Разрешите я заберу Данильченко к себе? Я его разговарю. У меня такой опыт есть.

Капитан посмотрел на него, потом на меня.

– Только под вашу личную ответственность.

Мы вышли из каюты. Возле двери стоял кок в белой куртке. Я набрался нахальства и попросил, чтобы мне дали поесть.

– Там у тебя что осталось? – спросил помполит у кока.

– Горячего ничего нет. Всё потрескало! – с явным удовольствием за аппетит команды улыбнулся кок.

– Ладно, принеси мне чего-нибудь в каюту. Сообщишь!

И кок сообразил головку сыра, сёмгу, нарезанную прозрачными алыми лепестками, кусок ароматного сливочного масла и буханку белого, ещё тёплого хлеба.

– Попить бы! – вырвалось у меня.

Кок принёс графин с водой. И я начал с того, что осушил его.

Между тем помполит приступил расспрашивать, есть ли у меня жена, дети, кем работал раньше, за что попал в лагерь. Вопросы были самые человеческие. Я охотно отвечал. Наконец он поглядел на часы.

– Время позднее. Ты, Алексей Павлович, ложись вот на эту кушетку. Если хочешь почитать, вон на столе газеты и журналы. А я пойду спать к механику. Только дверь, не обижайся, закрою на замок. И прошу без лагерных выходов. Я в тебя верю!

Этой ночью заснуть у меня не получилось. Я тревожился: повернул «Мироньч» или всё-таки нет?

На стене висела карта. Я долго вглядывался в чёрточки, обозначающие Северный морской путь. И вдруг меня осенило: если мы идём по-прежнему на запад, солнце взойдёт со стороны кормы, если взяли курс на восток к бухте Амбарчик, оно появится нам навстречу.

Утром солнце встало за кормой.

Мимо каюты прошёл матрос, и я попросил его достать воды. И опять пил и не мог напиться.

В семь часов помполит снял замок.

– Доброе утро! Как спалось?

– Так и не уснул... – признался я.

– Понимаю. Сейчас пойдём к доктору. Он тебе чем-нибудь поможет.

Судовой врач, осмотрев меня, растерянно сказал:

– Такое впечатление, Данильченко, что ты живёшь вторую жизнь! Полнейший износ организма!

– Значит, не тот курорт мне предписали граждане судьи, – попробовал улыбнуться я.

– Что тебя беспокоит?

– Вроде ничего.

– Никаких жалоб? Странно...

– Из дёсен кровь идёт, – вспомнил я и тотчас получил пузырёк с таблетками шиповника.

Помполит повёл меня завтракать. За столами уже сидело несколько матросов. Официантка подала им на подносе куриный бульон и бифштексы.

– Ты, Катя, вот его накорми сперва, – сказали они, кивнув в мою сторону. – Он голодный. А мы успеем.

И передо мной появились забытые тарелки. Я с них не ел уже много лет. И вилок, оказывается, разучился пользоваться. Едва удержался, чтобы по лагерной привычке не выдуть бульон прямо из тарелки через край.

Обслужив матросов, Катя под села ко мне.

– Скажите, вы правда заключённый?..

– Да... – нахмурился я.

– А где вы были? На Колыме?

– Родные места...

– А как вас там кормили? Как одевали? По сколько часов вы работали? Зимой на Колыме очень холодно?

– Зачем вам всё это знать, Катя? – сдержанно сказал я.

– У меня там родной брат в лагере. В прошлом он матрос. За границу ходил. Только придумали, что Николай – шпион! И вот давно уже не пишет... Чистяков его фамилия. Вы такого случая не знали?

– А в каком он управлении?

– Где-то очень далеко под Магаданом.

– Ваш брат на каких работах?

– Вроде бы в шахте...

– Встречал такого... – неожиданно придумал я. – Жив он. Конечно, ездили на нём. Однако держится парень. А вообще там не до писем!

Катя поцеловала меня и заплакала. Теперь настал мой черёд задавать вопросы.

– Куда мы сейчас плывём?

– Как куда? По курсу идём...

– Это для меня неясно.

– Мы идём в Ленинград с заходом в два порта: Дудинку и Игарку. Там возьмём лес и после Ленинграда повезём его во Францию.

Так мы проговорили почти до обеда. Потом Катя ушла, а я задремал прямо за столом.

Но вдруг чувствую – будят. Наверное, подумал

я, спохватились, что оставили без надзора. Пора под замок.

А это Катя.

– Пора ужинать! – заглядывает мне в лицо. – И обедать заодно!

– Вначале бы попить! – улыбнулся я.

Между прочим, всю дорогу она не отходила от меня, всё выпрашивала, прижав ладони к щекам: как там да что за колючкой? В конце концов матросы подтрунивать надо мной стали: «Везёт тебе, мужик! Ты у нас один подженился на Катюхе, а с командой у неё разговор короткий!»

Когда я первый раз поднялся на верхнюю палубу, «Мируныч» шёл полным ходом. Кое-где в море виднелись тяжёлые пласты льдин. На мачте лохматилась густая изморозь, похожая на седой мох. Увидев, что матросы перебрасывают уголь с палубы в яму, я тоже взялся за лопату. Работал наравне.

– Что, нагулял уже силу? – засмеялся боцман.

– Есть кое-чего... – кивнул я.

К вечеру за усердие он «наградил» меня двумя пачками отличных папирос «Звёздочка». Я почувствовал, что ем здесь хлеб не даром.

Настроение поднялось.

Со временем я научился и кое-каким матросским работам. Скажем, сращивать троса.

От боцмана я узнал, что была радиограмма нашего пароходу вернуться в бухту Амбарчик. Получили её на шестые сутки после выхода в море. Капитан на свой страх и риск ответил, что не может так поступить, иначе не уложится в сроки навигации. А теперь переживает, места себе не находит.

– Так я с вами до Ленинграда? – радостно вырвалось у меня.

– Тебя скоро заберут... – нахмурился боцман. – Уже есть договорённость. Больше ничего сказать не могу. Не имею права.

И для меня началось тягостное ожидание. Кажется, даже в угольной яме было спокойней.

...Дней через двадцать подошли к Дудинке.

Первое, что я тут увидел, были знакомые до боли лагерные вышки.

– Здесь высадите?.. – спросил я боцмана.

– В Игарке. – Он отвернулся. – А сейчас велено посадить тебя под замок.

Меня отвели в самодельную камеру. Я попросил себе хоть какую-нибудь работу. Боцман принёс позеленевший медный рупор. Я драил его до блеска мелом и суконкой. Я драил рупор час за часом, но в конце концов эта работа мне надоела. Я постелил на пол пару овчинных полушубков и устроился спать. Мне были нужны силы. В Игарке я решил бежать. Уловлю момент – и вперёд, друг мой.

В полночь боцман открыл замок.

– Извини, Алексей, надо идти. Приехали за тобой...

В капитанской каюте меня ждали двое в голубых фуражках. Надели наручники, обыскали. Боцман расстроено курил в стороне. Явно не по себе было и капитану.

– Следуйте вперёд! – услышал я привычные энкавэдэшные интонации.

Возле борта «Мируныча» сонно покачивался катер. Как только мы сели, он, словно спохватившись, быстро пошёл к берегу. Меня доставили в дежурную часть НКВД. Почувствовав под ногами после шаткой палубы твёрдую почву, я невольно приободрился.

Дежурный с длинной, чуть ли не поповской шевелюрой похабно крикнул в мою сторону:

– А эта сука ещё откуда?

Он шагнул ко мне из-за стойки и замахнулся наганом.

– Товарищ начальник, это не наш человек! – сказал конвоир.

– Как не наш?

Конвоир подал ему пакет.

– Он с Колымы.

Теперь дежурный с любопытством оглядел меня.

– Ах ты, хрен моржовый! Сюда-то как попал?

– Правду говорить?

– Попробуй только соврать!

Наган снова поднялся над моей головой.

– Да загружали пароход углём. Я выпил и уснул. А он как раз отправился. Вот и привезли меня сюда. Раньше высадить было негде.

– Так ты вольняшка или заключённый?

– Эк... – доложил я.

Дежурный спрятал наган в кобуру.

– Залётный гусь! Расскажи, как там у вас живут? Какое снабжение? Хорошо ли платят?

– Сыр в масле катаемся! – стал я заливать. – Зарабатываем тысячи по две. Снабжение – только птичьего молока нет.

– И надо было тебе напиться! – с искренним сожалением воскликнул дежурный. – Ты хоть догадываешься, куда попал? Пропадёшь здесь! Холод, голод, работа каторжная, от зари до зари!

– А вы отпустите меня... – вздохнул я. – Зачем вам нужно со мной возиться?

Дежурный усмехнулся:

– Такого шустрого парня я бы, может, и отпустил! Да поздно – уже в журнале за тебя расписался.

– Тогда ведите в камеру. Спать хочу!

– Ложись здесь, – кивнул дежурный. – В камере собачий холод, а у нас натоплено.

– Ведите! – с вызовом сказал я.

И меня подзатыльниками вытолкали в коридор.

Камера действительно оказалась с разбитым стеклом. Так что на полу через решётку намело снег. Постели на нарах не было.

Я прилёг, но уже скоро почувствовал, что долго здесь не продержусь. Час-другой, и начал я стучать в дверь.

– Чего ещё? – не сразу, но отозвался надзиратель.

– Переведите меня куда-нибудь к людям. Там, наверное, теплей. Есть же здесь люди?

– Свято место пусто не бывает! Только ты с ними не захочешь.

– Я с самим чёртом усажу!

– Тогда пошли!

Он отвёл меня в конец коридора.

В новой камере действительно оказалось тепло, но света не было.

– Здравствуйте, живые люди! – как можно бодрей сказал я от порога, шагнул вперёд и споткнулся. На полу лежал человек.

– У вас что, мест не хватает?! – вскрикнул я с досадой.

И услышал из темноты то ли голос, то ли стон:

– Его померла...

Я тогда снова к двери кинулся стучать.

– Дежурный! Дежурный!!

Чуть погодя он подошёл.

– Опять ты бузишь? Если будешь беспокоить по пустякам, я тебе сам быстро место найду. Тёплое-е! Даже горячее!

– Тут мёртвый человек!

– Ну и что? Он уже вторые сутки лежит и ничего плохого никому не делает. Привыкай. Людей у нас не хватает. Может, завтра и унесём жмура.

Я забрался на верхнюю полку, и на меня с потолка градом посыпались клопы-парашютисты.

«Это они на свежего так...» – успел подумать я, прежде чем уснул.

Где-то с полмесяца пробыл я в этой тюрьме. Наконец меня и ещё человек тридцать погрузили на пароход «Спартак». Он уходил в последний рейс на Красноярск. Все были рады, что нас везут на Большую землю. Я был рад вдвойне. Там бежать легче. О другом и не думал. Заразить остальных этой идеей не составило труда.

В первую же ночь мне удалось открыть иллюминатор, задраенный чугунной крышкой. Я легко просунул голову наружу и крикнул в темноту: «Свобода, братва!»

Бежать решили возле Красноярска. Пути оставалось дней двадцать. Готовиться начали заранее. Ведь через иллюминатор придётся прыгать в ледяную реку, по которой местами уже шла тёмно-серая шуга. Однако главное во всём этом было – не попасть под лопасти пароходного колеса. Так что мы

не раз бросали что-нибудь за борт и высчитывали, сколько секунд будет у нас, чтобы успеть отплыть от «Спартака». В крайнем случае, станем глубоко нырять под плиты. А вынырнешь потом?..

– Хочешь свободы – умеи рисковать! – подбадривали мы друг друга.

Пока было время, я обклеил спичечные коробки тремя слоями бумаги. Ведь спички, когда мы выплывем на берег, – единственное спасение от обморожения.

Возле Енисейска наше терпение кончилось.

Ночью я снова открыл иллюминатор.

– Кто хочет первым?..

Все молчат.

– Тогда я.

И лезу. А на мне телогрейка, под ней кофта и гимнастёрка. Так что просунуться не удалось. Я кое-что скинул с себя – результат тот же.

Я разделся догола, намылился и снова лезу со спичками и одеждой в зубах.

С мылом помогло!

Я уже почти вывалился наружу, когда вдруг что-то с грохотом ударило в борт «Спартака». Потом узнали – баржа.

Надстройки парохода полетели. Рухнули трубы. Повалил пар, обжигая пассажиров верхней палубы. Дети завизжали, истошно закричали женщины.

Дверь нашей каюты при столкновении вышибло. Мы мигом выскочили наружу и хотели в этой суматохе спустить за борт лодку.

Только слышим – выстрел. Один и другой.

– Эй вы, шустряки!!! Полное спокойствие! – крикнул в рупор внушительный командирский голос. – Всем заключённым немедленно вернуться на свои места! В противном случае будет применено оружие!

Через два часа полуразвалившийся «Спартак» был в Красноярске.

Утром в нашу арестантскую каюту зашёл начальник конвоя:

– Ребята, нужно помочь выгрузить бочки с оленьим мясом. А я за это дам каждому по булке хлеба и по пачке махорки.

Для тех, кто всерьёз настроился бежать, такое предложение было заманчивым. Я воспрянул.

Бочки оказались тяжёлые. А выкатывать их предстояло на крутой берег.

Я налёг первым. На берегу приглядел узкий проход между мешками с ячменём, лежавшими в несколько ярусов. Он вёл во двор склада, где, как я заметил, не было охраны. На обратном пути я ещё раз пригляделся к проходу. За ним свобода?..

И вот я толкаю вторую бочку. Чувствую, что снова охватил меня уже знакомый азарт, как в тот

раз, когда я, голый, намылившись, лез в узкий проём иллюминатора.

Возвращаясь, кинулся в проход между мешками. И вдруг два из них вывалились и преградили мне путь. Лезвие всегда при мне. Под ноги зернисто брызнул ячмень. Проход освободился, и я юркнул во двор. А там, как по договорённости, метрах в десяти от меня стоит машина. Мотор работает. Только я перемахнул в кузов и распластался на брезенте, как она тронулась.

Машина вывезла меня за ворота. В городе у перекрёстка водитель затормозил, и я спокойно слез. Мне всё ещё не верилось, что так легко можно получить свободу...

Я направился на вокзал, но вовремя спохватился: вот уж куда мне сейчас никак нельзя! И вообще надо поскорей уходить из города.

Я зашагал прочь.

К обеду добрался до пригородного совхоза и в тот же день устроился на уборку картофеля. Документов не спросили: работа торопила.

И я торопился. Так торопился, что накопал картофеля больше всех. Директор и парторг объявили мне благодарность. Деньжат немного подбросили.

Однажды в столовой совхоза высмотрела меня старая, строгая на вид цыганка. Только я сел за стол выпить стакан вина, как она наклонилась надо мной:

– Давай погадаю...

– Не приставай, – нахмурился я. – Иди отсюда!

– Не говори так, мученик... – придвинулась цыганка. – Всю правду тебе открою и ничего с тебя не возьму!

– Мне погадай! – заёрзал мой сосед. – Двадцать пять рублей дам!

– Тебе не стану...

– Ну, говори... – решился я.

– Наедине надо, – кивнула цыганка на соседа.

Мы вышли на улицу. Она внимательно посмотрела на меня.

– Ты, мил человек, долго был в казённом доме. А сейчас из него топ-топ...

Я не подал вида.

– Трудно тебе... – шепнула она. – Только не горюй! Семью найдёшь. И вы будете вместе. Правда, недолго. Как бы ты ни ловчил, опять окажешься под замком. Но после заживёшь счастливо.

Я засопел, как перед слезами, и полез под теплогрейку достать деньги.

– Ничего не надо!.. – оттолкнула меня цыганка.

– Выпей со мной вина!

– Эх, душа наболевшая! У тебя в кармане вошь на аркане! На хлеб себе оставь.

Она обняла меня за шею:

– А вот меня помни всю жизнь до чёрного гро-

ба. Алмаза я... – Она сощурилась и пропела, откинув голову: «Если б я была цыганкой и умела я гадать, нагадала б всем легавым век свободу не видать!»

С первой же полочки я купил билет до Москвы, чтобы там пересесть на воронежский поезд. В вагон сел довольный и счастливый. Однако удаче радовался всего ничего... Возле Новосибирска, за два пролёта до него, началась проверка документов.

Я услышал, как в соседнем купе кого-то спрашивают:

– Фамилия?

– Шевченко. Иван Назарьевич.

– Год рождения?

– Одна тысяча девятьсот восьмой.

– Где отбывал срок?

– На Колыме. Вот справка об освобождении.

Я попытался выйти в тамбур, но там стоял милиционер.

– Вернись на место!

Конечно, я вернулся. Следом в купе вошли двое в синих шинелях.

– Предъявите документы.

Мне от досады захотелось заплакать, но слёз не было...

В Новосибирске меня и ещё человек восемь таких же неудачников посадили в «чёрный воронок». На допросе в областном уголовном розыске я назвал себя Иваном Назарьевичем Шевченко. После отбытия срока следую из Магадана на местожительство в город Воронеж. По дороге украл деньги и документы.

А дежурный мне на это:

– По всем данным, ты бежал из Слюдянского лагеря и будешь туда этапирован! Если это не подтвердится, тебя освободят.

Я несколько приободрился. В Слюдянке, которая располагалась на берегу Байкала вдалеке от моих отсидочных мест, никто не мог меня знать. Вдруг и в самом деле отпустят?..

В Слюдянке были ночью. До утра я воевал в изоляторе со вшами. После подъёма вызвали в учётно-распределительную часть. В комнате меня ждали староста и нарядчик.

– Это не наш! – сказали они в один голос.

Я облегчённо рассмеялся.

– Погоди скалиться! – предупредили меня.

Вечером на поверке я был поставлен перед строем заключённых.

– Кто знает этого человека? – обратился к арестантам начальник лагеря.

Вот когда я упал духом. Вдруг найдётся такой, что нарочно оговорит меня, чтобы выслужиться

перед начальством. Такое в лагерях очень даже приветствовалось.

Шеренги молчали.

– Я жду!

Никто ни слова. А у меня слёзы на глазах.

В тот вечер я благополучно вернулся в изолятор. Надежда, что меня могут освободить, продолжала теплиться.

А вскоре приехал прокурор. После короткого допроса меня отправили в Иркутск для дальнейшего ведения справок. И хотя мне не удалось оправдаться перед прокурором, однако голову я ему, как видно, забил. В итоге у моего конвоя не оказалось санкции от него. Он запомнил про эту бумагу.

В иркутской тюрьме без санкции прокурора меня не приняли.

Чертыхаясь на чём свет стоит, конвой повёз меня обратно.

Однако на этом неразбериха не кончилась. К прибытию поезда в Слюдянку встречный конвой почему-то не пришёл. Делать нечего, я прокатился до Хабаровска. Ехали несколько суток: в тесноте, полуголодные и завшивевшие. Я терпел всё это, обманываясь надеждой, что в Хабаровске исхитрюсь бежать.

Когда были на месте, всех эков построили и увели, а я один остался у вагона. Мою фамилию так и не назвали.

– Вот что, Шевченко! – угрюмо сказал начальник конвоя. – Прокатимся ещё раз! Если снова в Слюдянке за тобой не придут – отпущу своей властью! Иркутская тюрьма без санкции прокурора не берёт, Слюдянка не высылает за тобой конвой. Чертовня какая-то! Надоело, б...!

Меня посадили в пустой вагон. Я лёг на нары и окаменел. Два дня до еды не дотрагивался. Боялся спугнуть близкую свободу.

Возле Слюдянки в вагон заглянул старший конвой и с восторгом сказал:

– Хорошая новость, Шевченко! Я наконец созвонился с лагерем. На станции тебя ждут. Так что приготовься. Через час будем на месте!

– Спасибо, гражданин начальник... – мёртво сказал я.

Да и что ещё можно было ответить?..

...В тот же день мне оформили прокурорскую санкцию, однако тюрьма и на этот раз меня не приняла: я тяжело заболел. Словно какая-то резья сорвалась во мне.

Вместо камеры меня поместили в палату тюремной больницы.

Отдышался лишь через неделю. Как водится, стал помаленьку интересоваться новостями. Сосед слева тоже оказался колымский, копал золо-

то в Сусумане. Он месяц назад освобождён и был вскоре снова арестован за откровенные разговоры насчёт колымского житья-бытья.

Я рассказал ему, как уже второй месяц меня везут по Сибири и Дальнему Востоку. Этот человек поверил про кражу моих документов и стал возмущаться бездушными здешними порядками. Я даже почувствовал себя неловко, что обманул его. Однако нет худа без добра. На следующий день к нам в палату зашла комиссия во главе с областным прокурором. Стали интересоваться, как с нами обращаются, хорошо ли кормят и лечат. Спросили, кто и за что попал в заключение. Конечно, никто из нас за собой вины не признал. Так уж водится в этих краях.

Прокурор рассмеялся:

– Вот вы твердите, что не совершили никаких преступлений! Но стоит заняться проверкой дела – и факты оказываются далеко не в вашу пользу!

Тут мой сосед не вытерпел:

– Для вас все преступники! За ерунду сажают! Мало того, вы даже тому, кто освобождён, не даёте возможность вернуться к семье!

– Вы себя имеете в виду?.. – пригляделся прокурор.

Сосед толкнул меня в плечо.

– Ничего подобного: вот его! Отбыл Иван Назаревич срок, ехал честь по чести домой и ничем не нарушал ваши законы. Вся его вина в том, что у него украли документы! И теперь вы его мучаете! А ведь перед вами живой человек!

Прокурор подсел ко мне. Мы поговорили. Он что-то записал в блокнот и, уходя, угостил нас с соседом хорошими папиросами.

Через неделю, когда я уже почти выздоровел, дежурная медсестра как бы между прочим сказала:

– Шевченко, а у вас здесь есть родственники?

– Нет... – вздохнул я.

– А что если вас сегодня освободят? – она перешла на шёпот. – Куда вы тогда пойдёте?..

И тут её срочно вызвали в другую палату. Она убежала, заставив меня крепко задуматься.

А часа через два к нам вошёл надзиратель.

– Кто Шевченко?

Я так разволновался, что забыл свою новую фамилию. Тупо гляжу на него и молчу. Первым спохватился сосед:

– Ваня, тебя спрашивают!

Я вскочил.

– Ты Шевченко? – нахмурился надзиратель.

– Да, я.

– А чего не отзываешься? Имя? Отчество?

– Шевченко Иван Назарьевич.

– Быстро на выход!

Я ухватился за койку. У меня дрожали ноги. Сосед со слезами на глазах пожал мне руку.

За дверью надзиратель сказал кладовщице:

– Этого человека освобождают. Выдайте ему его вещи.

Она открыла кладовку, порылась, но там почему-то ничего моего не оказалось.

– Найди ему что-нибудь! И поживей! – прикрикнул надзиратель.

Мне дали с умершего старый бушлат, рваные штаны, фуражку без козырька и стоптанные сапожные опорки. Я не стал возражать и с радостью переоделся.

В канцелярии получил справку, и надзиратель вывел меня за ворота...

Таким жалким я ещё никогда не выглядел. На мне была не одежда, а самые настоящие лохмотья. Я быстро почувствовал силу сибирского мороза. И всё же даже такую свободу я не согласился бы променять на самую тёплую камеру.

Я бежал по улице прочь от тюрьмы, зажав в кулаке справку об освобождении.

На перекрёстке меня окликнула какая-то старушка:

– Ах ты, бедненький... Пойдём со мной. Я тебя переодену в старенькое, но тёплое. И валенки хорошие найду!

Она завела меня в коридор какого-то большого дома.

– Обожди чуток.

Я жадно прислонился к горячей батарее и закрыл глаза.

Неожиданно сверху по лестнице спустился милиционер.

– Ты зачем здесь? – бдитительно сказал он. – Документы есть?

Я разжал кулак и подал ему справку.

– Сейчас же уходи! Чтобы духу твоего тут не было!

В общем, не пришлось мне дожидаться добрую старушку.

Через некоторое время на улице возле меня притормозил грузовик.

– Что, браток, плохи твои дела? Колотун бьёт?! – крикнул шофёр. – Лезь в кабину, подвезу. Тебе куда?

– Всё равно... – пробормотал я.

– Только освободился?

Я кивнул.

– Тогда едем на вокзал.

Там я сразу бросился к печке. Расположившиеся было около неё пассажиры тотчас забрали свои вещи и отошли подальше от меня.

Вскоре появился дежурный милиционер.

– Уезжай отсюда первым же поездом! – потребовал он.

Я еле сдержался, чтобы не ответить ему как следует.

– Мне не на что купить билет. Лучше помогите подработать.

Милиционер усмехнулся и ушёл.

Скоро ко мне пристроились двое бродяг не лучшего, чем я, вида.

– Керя, – сказал один из них, – только что на двери какой-то фраер приклеил объявление: в роддом срочно требуется кочегар. Там тебе будет и тепло, и шамовка.

Я бросился к выходу. Объявление было написано простым карандашом и очень неразборчиво. Я запомнил адрес и пошёл искать нужную улицу. Снова промёрз насквозь, но её разыскал. Только никакого роддома там не было. И никакой кочегарки. Надо мной просто посмеялись.

Я едва добрался обратно и упал возле печки.

Надо мной снова навис милиционер.

– Идём со мной...

С самыми худшими предчувствиями пошёл я за ним. Он завёл меня в дежурку. Там покурил какой-то солидный мужчина в волчьем полушубке. Поверх на нём был ещё надет брезентовый плащ.

Милиционер подмигнул:

– Привёл тебе ещё одного лесоруба. Возьми его. Этот будет работать.

– Буду! – с готовностью закивал я.

Мужчина осмотрел меня с ног до головы.

– Не внушает доверия.

– Ты на его одежду не гляди! – построжел милиционер. – А так он здоровый как лось, и работяга из него получится отличный. Накормишь досыта, оденешь – и будешь вполне доволен новым кадром!

Милиционер расхваливал меня, как цыган лошадь. Наверное, ему очень хотелось, чтобы я исчез с вокзала куда подальше. Перечитав раз пять мою справку об освобождении, «волчий полушубок» дал мне подписать договор о найме на шесть месяцев.

Через час подошла машина. В ней было ещё человек шестнадцать.

Нас накрыли брезентом и повезли.

Доехали быстро, но всё равно успели окриветь от холода. К счастью, в бараке оказалось хоть и темно, но жарко. В углу стояла от души раскопегаренная печка из железной бочки. Нам дали по большому куску хлеба, селёдину и чай. Подкрепившись, мы уснули на соломенных матрацах.

Утром каждого снабдили добротным обмундированием: новые телогрейки, ватные брюки, тугие валенки и шапки-малахаи.

В лесу я давно не работал, и поначалу было тяжело. Но зато аппетит объявился невероятный.

Чем загасить его, имелось в достатке. Я стал быстро прибавлять в весе.

Недели через две меня вызвал начальник лесозаготовок. Оказывается, он случайно узнал, что я электромеханик, и очень этому обрадовался.

– Вот что, Шевченко! К нам скоро должны привезти газогенератор, а установить некому. Если справишься, выхлопочу тебе паспорт. И ты тогда человеком уедешь к своей семье. А пока назначаю тебя кладовщиком. Отъедайся, но не злоупотребляй! Иначе дружба врозь.

На складе моё положение намного облегчилось. А вскоре прибыло электрооборудование. Монтаж оказался несложный. Через несколько дней я запустил небольшую электростанцию: лампочки живо зажглись, циркулярная пила вёртко закрутилась. Начальник даже пригласил меня к себе домой и хорошо угостил.

Весь вечер он на разные лады вспоминал, каким доходягой взял меня на вокзале, и они с женой от души насмеялись.

А к маю «волчий полушубок» сдержал слово и привёз паспорт. Я к этому времени собрал две с половиной тысячи и по-человечески оделся. Меня просили остаться, но я взял расчёт – домой, в родной Воронеж.

Ночью в Челябинске была пересадка на поезд до Харькова, который отправлялся только вечером. Я проспал до утра на вокзальной скамейке, а потом всех пассажиров попросили выйти на улицу, чтобы не мешать уборке.

Был отличный солнечный денёк. Я сел возле столба на чемодан и размечтался, как мы встретимся с Маринкой и моими повзрослевшими ребятами, для которых я сначала буду чужим «дяденькой». Невольно вспомнилось одно лагерное стихотворение:

*Запорошенной пылью дорожкой
я вернусь на себя не похож.
Чем ты душу развеешь тревожную,
как тогда ты ко мне подойдёшь?*

...И вдруг вижу, что в мою сторону идёт в белой парадной форме и хромовых, играющих блеском сапогах знакомый оперативник с Зырянского лагеря. Он знал меня как облупленного.

Сердце остановилось, я опустил глаза.

Может быть, не признает?.. Всё-таки я сейчас выглядел более-менее и никак не походил на зэка.

Шикарные сапоги как споткнулись возле моих ног.

– Здорово, Данильченко! Какими путями сюда попал?

Делать нечего: я поднял голову и даже хотел

улыбнуться, но лучше бы не пытался. Вышла жалкая гримаса.

– Освободился... К семье еду...

– При сроке в десять лет тебе крупно повезло! – усмехнулся оперативник.

Я по тону этого человека почувствовал, что у него отличное настроение и он по-своему рад встрече в такой дали со знакомым человеком. И хотел только одного: чтобы я поскорей убедил его в законности моего здешнего местопребывания. Я это и попытался сделать из последних сил.

– Писал в Москву... Там пересмотрели дело... И вот освободили...

– Документы есть?

– Конечно...

– Это хорошо! – улыбнулся оперативник и машинально добавил. – Предъяви, Алёшка. Так нам обоим спокойней будет жить.

Я полез в потайной карман и вместе с паспортом подал пачку денег: была припасена тысяча на всякий случай. Оперативник догадливо сунул её в карман и развернул паспорт.

– Хо! Так ты стал Шевченко?

– Какая тебе разница?.. – тихо сказал я. – Езжай к своей семье, купи хороший подарок. А я поеду к своей. И мы – квиты.

– Какое ты мне настроение испортил! – поморщился оперативник и осторожно, не спуская с меня глаз, положил руку на кобуру. – Встать!

Я ещё раз попытался его уговорить. Он обнажил наган.

– Чекисты не продаются! Следуй вперёд!

И он привёл меня в здешний уголовный розыск.

– Вот я вам между делом поймал даже не гуся, а целого лебеда!

Оперативник рассказал всё, что знал про мой побег из бухты Амбарчик. Не стану говорить про моё тогдашнее состояние. Оно и так понятно.

Поначалу меня после допроса посадили в КПЗ, а чуть позже отправили на пересылку. Здесь сформировали этап, и снова начались уроки практической географии: Курган, Омск, Новосибирск, Красноярск...

По пути меня, как видавшего виды арестанта, многие расспрашивали про Колыму: что там за работа, какая кормёжка, платят ли деньги и сколько?

На все вопросы я отвечал односложно: «Вас везут на каторгу».

В одной клетке со мной ехал бывший военспец Вронский, осуждённый особым совещанием. Кстати, благородной дворянской внешностью он очень напоминал мне нашего фельдшера Льва Максимовича.

Однажды Вронский не выдержал и вспыхнул

после моих очередных популярных объяснений народу про лагерное житьё-бытьё:

– Каторга?!.. Это ложь! За такие слова вас расстрелять мало. Разве в нашей советской стране может быть такое? Вы – клеветник!

– Ты ещё вспомнишь меня... – отвернулся я.

Я не рассердился на него: жить этому человеку оставались считанные месяцы. Ведь у него нет никакой нормальной специальности. Он только командовать умеет. А там, куда его сейчас везут, это никак не поможет. Разве что навредит.

В Канске нас на время высадили из вагонов и разместили по палаткам в отдельной зоне. С пересылки многих выводили на работу, хотя это и не полагалось. Однажды я ухитрился выйти в ночную смену на пилораму. Там мне поручили отвозить опилки. Катая тачку, я прикидывал планы побега, но конвой от меня не отходил.

Вскоре я и ещё восемь человек попытались сделать подкоп под зону из сапожного цеха. И так увлеклись, что опоздали на вечернюю поверку.

Нас хватились, разыскали и выкурили из подземелья дымом.

Я ждал самого худшего, но дело ограничилось карцером.

Начальник пересылки поставил нас перед строем арестантов.

– Что, кроты, хорошего скажете своим товарищам?

Мы молчали.

– Говорите смелей!

– Дорогие друзья! – крикнул я. – Очень хотелось подышать свободой! Но на этот раз ничего не вышло. Впредь будем умней.

– Воюющий карцер вам, а не свобода! – усмехнулся начальник пересылки.

Через три дня нас опять погрузили в эшелон и повезли во Владивосток. В пути многие через люки и решётки бросали письма. «Отправил» и я для Маринки два треугольника. И вот однажды снится мне она и говорит: «Я, Алёша, твои весточки получила!» Позже я узнал, что так оно и было. Маринка даже приезжала с детьми на Владивостокскую пересылку, но меня, как беглеца, держали за тройным проволочным ограждением. Мне не только не дали свидания, но даже не разрешили передачу.

В конце мая за нами с Колымы пришёл пароход «Дальстрой». Весь день к нему тянулись партии эзков.

Меня и ещё шестнадцать заядлых беглецов повели последними уже ночью под усиленным конвоем. На пароходе посадили в отдельный трюм. Однако мы через это только выиграли. У нас было достаточно просторно, и никто не задыхался, как в прежний

мой рейс в сторону ненавистного северо-востока.

Не успел «Дальстрой» отойти от причала, как к нам бросили двух человек, мокрых с головы до ног. Оказывается, в самый последний момент они попытались бежать и прыгнули за борт. Само собой, план их был далеко не лучший, но есть в арестантской судьбе минуты, когда не до здравых размышлений.

Когда прибыли в порт Нечаево, всех повели в Магадан строём, а нас, беглецов, как белых людей, повезли на машине. Однако на этом наши сомнительные привилегии закончились.

Я попал в камеру пересыльной тюрьмы особо усиленного режима. Июль, жара, а нас здесь на двадцати квадратных метрах сорок семь человек. В соседях у меня оказалась «знаменитая» банда Королёва почти в полном составе: он сам, потом некто Голубев, Карпач, Федька по кличке Собака, ещё племянник донского Подтелкова Василий – всего человек пятнадцать.

Во Владивостоке эти люди открыто занимались лагерным бандитизмом. Скажем, заходили в барак, где заключённых человек триста, и подавали команду: «Всем лежать! Кто поднимет голову – мозги на стенку!» А в руках у них при этом убедительно поблёскивают ножи и топоры.

В общем, прижухнут эски все до одного, а «королёвцы» начинают наводить шмон. Заберут вещи, какие поновей да попрличней, иногда найдут припрятанные деньги.

И здесь они свои замашки не оставили: воду дают два раза в день по ведру, а они её сами почти всю нагло выдувают. Мы же хоть и раздеты до кальсон, обливаемся потом и чуть ли не бесимся от жары. А я после «Мироныча» на всю жизнь стал бояться жажды пуще нагана. Даже когда освободился, у меня дома всегда потом стояла под кроватью бутылка воды.

Не выдержав, я застучал в дверь.

– В чём дело? – подошёл надзиратель.

– Воды, начальник! Воды дай! Пить хотим!!

– Не полагается больше.

– Будь человеком! Мы не хлеба просим. Воды!

– Сказал, что не дам, значит, не дам. И не стучите больше, урки!

Я не удержался и с возмущением сказал:

– Не давай, не давай! Ещё недавно сам Гаранин тоже эзкам житья не давал!

Гаранин не так давно был начальником Управления Северо-Восточных лагерей. За его подписью расстреляны десятки тысяч заключённых. Только и Гаранин, в конце концов, попал как кур в ощи́п – во враги народа. Говорили про него, будто он японский шпион, уничтоживший настоящего полковника Гаранина и по его документам пробравшийся в начальники УСВИТЛага. Лично я

в это не верил. Просто Гаранина кому-то наверху потребовалось убрать, вот и пустили утку насчёт японского шпиона, чтобы отвлечь внимание.

Дверь камеры распахнулась. Надзиратель угрюмо оглядел нас.

– Кто вякнул?..

Все молчали. Молчал и я.

– Кто?!

Мы опустили головы.

– Ладно, вам же хуже будет!

В пять часов вечера дневные надзиратели сдавали смену ночным. Теперь их собралось вместе человек десять, и они решили общими силами отыграть за мой намёк про Гаранина. Дознались...

– Данильченко, встать! Выходи!

Бить начали не сразу. Дали сделать шагов пять, а потом огрели. Я бы упал, но меня поддержали встречным ударом в живот. Никто из надзирателей не остался в стороне. Таких, чтобы не умели бить, не оказалось. Охаживали во все двадцать кулаков один другого резвей и тяжелей. Я вертелся под их полновесными, проломными ударами как волчок.

Так и довертелся до дверей канцелярии.

– Кто такой Гаранин?! – крикнул старший, рванув меня за волосы.

– Враг народа...

– Значит, и я враг народа? – чуть ли не взвизгнул наш дневной надзиратель, у которого я не допросился воды.

– Надевай рубаху! – приказали мне.

Я уже примеривал такую: крепкого холста, рукава метра по два. Намочили они их из чайника, закрутили жгутом и стали утягивать у меня на животе.

Я из последних сил набрал в лёгкие как можно больше воздуха.

– Он, гад, дуется! – крикнул один из надзирателей.

Меня свалили на пол. Двое упёрлись сапогами в бока, третий стал на спину. Он по команде подпрыгивал, а они подтягивали и подтягивали рукава.

Лицо у меня набрякло, глаза полезли из орбит...

Врач долго отливал меня холодной водой. За столом, ожидая, пока я очнусь, курил следователь.

– Бить будете?.. – прошамкал я, разлепив глаза.

– Хватит с тебя на сегодня, – сказал он.

– Если тронете, оставлю безносой нерпой... – проростал я.

– Ладно, не дёргайся. Давай поговорим по-хорошему, – улыбнулся следователь. – Моя фамилия Петухов. О тебе я знаю, что ты арестант политический, бывалый. Значит, фокусы выкидывать не станешь. Пусть ими воры и бандиты зарабатывают авторитет. Поэтому я за свой нос не боюсь!

Петухов рассказал, что, пока я лежал без сознания, в моей камере объявили протест против

того, что нас морят жаждой. С этой целью нашлось из уголовников девять добровольцев резать себе вены и пороть животы. Всех надзирателей забрызгали кровью...

И всё же еду и воду стали выдавать сколько полагается. И камеру несколько разгрузили.

Следователь проглядел мой формуляр.

– А ну-ка докажи, что ты электрик! Исправь мой телефон.

Я проверил аппарат.

– Нужен нож.

Петухов полез в стол и безбоязненно подал финку. Лезвие было коротковато, но я прилачился.

– Знаешь, сколько по Колыме числится беглецов? – поглядывая за мной, сказал он. – Двадцать пять тысяч! Но чтобы кто выбрался на материк – тебя первого встречаю! Большинство погибает в тайге, или их выдают местные. Мы за это даём неплохое вознаграждение. Остальные отсиживаются в землянках, а продукты добывают грабежом. Обычно колымские бегут по весне, а к зиме идут сдаваться.

Когда телефон заработал, Петухов налил мне полкружки спирта.

– Вот и закуска, – подал он отменные домашние пирожки с ливером.

Я быстро опьянел.

Так что когда мой конвоир привёл меня в тюрьму, ему попало за отсутствие нужной бдительности. Однако никто не мог понять, где я напился. Вроде бы всё время был на глазах.

Ночевать пришлось в карцере.

Там на цементном полу лежал уголовник, которого обвиняли в убийстве конвоиров. Он это отрицал и семнадцатый день держал голодовку. Я догадливо устроился спать так, чтобы дышать в сторону от него. Мало ли как на голодного, отчаявшегося зэка мог подействовать могучий запах спирта и пирожков с ливером и луком.

Через месяц следствие закончилось, и меня повели в суд. Там за побег мне от души пришлѣпали три года с отбыванием срока на центральном ШИЗО 56-14.

Это было в конце сентября одна тысяча девятьсот сорокового...

Мы проехали от Магадана пятьдесят шесть километров, а остальные четырнадцать шли пешком.

Уже держался небольшой мороз и срывался сухой, игольчатый снег. Я достаточно насиделся в тесных камерах следственной тюрьмы, так что шагал охотно. Правда, на ногах были всего-навсего войлочные тапочки, и я изрядно замёрз.

Конвой то и дело покрикивал, чтобы мы выдерживали строй, но из-за бездорожья ничего не получалось: кругом ямы да кочки. В конце концов

солдаты примирились и лишь требовали, чтобы мы шли кучно.

Стемнело, и мысли о побеге снова стали меня волновать.

Возможность рискнуть была, но я после долгого перехода с непривычки ослаб. К тому же, когда на пути встретился ручей, я сорвался с бревна. Воды оказалось по пояс. Надо мной прокатился громкий смех. Хохотали и конвоиры, и мои товарищи.

Я не обиделся. Их можно понять.

Вскоре мы были на месте: я увидел над воротами знакомый колымский лозунг: «Труд в СССР дело чести, дело доблести и геройства!»

Это оказался лагерь строгого режима. Сверху над высоким забором на обе стороны наклонились ряды колючей проволоки. Она же ограничивала предзонники. Внутри лагеря тоже забор между подсобными помещениями и бараками штрафников, которые в свою очередь обнесены «колючкой». На окнах решётки. Внутри сплошные двухъярусные нары из сырых досок на двести пятьдесят человек и одна печь – большая железная бочка из-под солярки. Барак за нами закрыли на замок. Не успели уснуть – уже пять часов...

...Подъём.

Нас разбили по бригадам и повели в столовую, больше похожую на конюшню, перегороденную пополам. В одной части длинные столы, в другой бригады, которые уже поели, и теперь стоя поджидали остальных, прежде чем идти на работы.

У дверей столовой каждому на завтрак давали по триста граммов хлеба. Потом мы шли между перил к раздаточному окну и получали свою миску постной овсяной баланды. Ложек не было. Да и не до них: оголодав, баланду единым духом вытягивали через край.

Первые две недели нас водили делать железнодорожную насыпь. Позже перекинули на лесоповал – заготовка дров и строевого леса для Магадана.

Вот тут-то мы тяпнули горюшко.

А когда при случае пожаловались высокому залётному начальству, от нас только отмахнулись:

– На то он и штрафной лагерь! Вас сюда не на курорт везли.

Действительно, таких строгостей я ещё не видел: утром на поверке считают, выводят из барака или со двора – то же самое. Поведут ли к воротам хоззоны, у дверей столовой – опять пересчёт. А когда вытаскивают из неё полуголодных штрафников, так снова вертухаи упражняются на живых людях в математике. А когда идём за зону и нас принимает конвой, так тут по десять раз устраивается считалка.

До леса девять километров через сугробы. Утром

протопчем дорогу, вечером снова стоят на пути снежные увалы. Норма на одного человека – шесть кубов. Да ещё обрубить сучья, порезать стволы поперечной пилой на двухметровые брёвна: комель, другач и третьяк. Если попадётся матёрая осина, так дух выскакивает, пока с ней справишься. Складывать брёвна в штабель не легче: почти все они до метра толщиной, а носить далеко. Пока доволочёшь, нападаешься в снег от души и не раз проклянёшь всё на свете. Только и отдыха – жечь сучья. Потом же у костра и одежда оттаёт.

Через десять часов построят побригадно, посчитают и ведут обратно колонной по пять человек в шеренге. У каждого из нас в руках полено – несём в зону отапливать барак и столовую. Если у начальника конвоя хорошее настроение, так разрешит идти по протоптанной утром дорожке, но обычно нас ведут по сугробам, чтобы штрафная жизнь мёдом не казалась.

И хорошо, если ты выполнил норму. Тогда в столовой хоть мало-мальски подкрепишься известными лагерными деликатесами: хлебом и кашей из неомелушённой овсянки. Однако если замерщик определит, что ты не сделал свои шесть кубов, то сразу ведут в барак, а то и в холодный изолятор.

Я был крепче многих, но и то всё чаще, как ни упирался, напилить норму не удавалось. Тогда и мне выпадал сон на голодный желудок. Понятно, с каким настроением в таком случае ложишься в обледенелой одежде на голые нары. Обсушиться у печи невозможно, так как её уже облепили угольники. Правда, из-за нечеловеческой усталости всё равно засыпаешь. Вернее, как в обморок проваливаешься. Где-то к полночи одежда оттаивает, а утром, полусырая, с первых минут на сорокаградусном морозе снова лубенеет.

Через пару недель в таких условиях человек становится доходягой: и тогда эти смертельно изнурённые люди в отчаянии рубят себе пальцы. Только сделают такому перевязку и снова выгоняют в лес.

Смертность в лагере была до шестнадцати зэков в день.

Я кое-как держался, пока однажды не разбил ногу бревном. К утру ступня опухла так, что я не мог надеть ботинок – и пришлось вместо него натянуть рукав старой телогрейки.

С трудом дошёл до столовой, чтобы показаться фельдшеру. Но его столько больных окружило, что не подступиться. Все жаловались и просили освобождение от работы. Фельдшер еле вырвался от нас и убежал. Конечно, это было далеко не Руженцев.

Бригады вывели на развод, однако в столовой осталось человек семьдесят больных. И я с ними. Мы решили в лес сегодня не идти.

После развода появился комендант лагеря.

– Что за самовольство?! Выходите и стройтесь в сборную бригаду. Так и быть, на сегодня вам послабление: пойдёте носить шпалы.

– Мы больные люди, гражданин начальник... – сказал я.

Он крикнул обслугу. Вышло человек пять: повара, кочегар и кладовщик. Все с палками. Нам досталось без разбора. Лечили нас дубьём куда попало, но больше старались огреть по голове.

На мороз выгнали полураздетыми. Сгрудились, хлюпаем кровью.

– Строиться и подойти к воротам для выхода на работу! – крикнул комендант.

Семь человек не могли идти. Их поволокли за ноги, оставляя на шершавом снегу размазы крови. Я хромал следом.

– Вышвырнуть всех за ворота! – приказал комендант.

Там нас ждал конвой. Мы перешли в его распоряжение, и теперь за непослушание могло быть применено оружие.

– Встать! – скомандовал начальник конвоя тем семи арестантам, которых вертухаи волокли за ноги.

Они не пошевелились. Конвой взял винтовки на изготовку. Две овчарки по команде бросились вперёд. Заработали собачьи клыки. Четверо скоро не выдержали и кое-как, вперевалку, пошатываясь, но встали.

Остальных собаки рвали, пока не запалились, однако поднять не смогли.

– Этих тащите в изолятор! – сказал комендант. – Остальным носить шпалы!

В тот день я встретил за зоной человека, с которым до моего побега мы жили в Зырянке в одной палатке. Иван Иванович, бывший комдив. Он, как и я, работал тогда на электростанции. Статьи у нас были одинаковые, но сроки разные. У него лишь три года, и они уже вышли. Только Ивана Ивановича почему-то всё не отпускали на материк, а послали сюда якобы по вольному найму строить узкоколейку до Магадана.

– А ты как здесь?! – удивился он. – Мы все считали, что тебе удалось бежать. Начальство утверждало обратное, но ему никто не верил.

Я вкратце рассказал о своём плавании на «Мирныче», а закончил просьбой:

– Ты можешь дать мне хоть немного хлеба?

Бывший комдив побледнел:

– Извини, Алексей Павлович. Нет. Меня строго предупредили на этот счёт. Вот разговариваю с тобой, а сам, скажу откровенно, трясусь за свою шкуру...

– А ну не стой! – крикнул в это время на меня конвой.

И снова на моём плече тяжелая шпала.

К вечеру нога распухла ещё больше. Положение стало критическое. Я понял, что не выживу.

А когда после вечерней поверки лежал, придя в себя, на нарах, сосед шёпотом признался, что и он уже не в силах работать и специально отморозил левую руку. Он на глазах у меня отломил один палец.

Я позавидовал ему... Если за саморубство от леса не освобождали, то с отморожением на это можно было рассчитывать. Тем более что теперь соседу наверняка удалят кисть, а то и по локоть оттяпают руку.

Бежать?.. С моей ногой бесполезно.

Хотя если достать лошадь!..

Кстати, недавно один арестант хотел ускакать, но его застрелили, и теперь он в назидание уже какой день лежит на снегу возле проходной...

И всё-таки я кое-что придумал этой ночью.

Правда, риск в моём замысле был смертельный. А задачу я себе поставил такую: любой ценой попасть в магаданскую тюрьму! Там условия более-менее сносные. Это и есть моё спасение.

Но как такого добиться? Ведь здесь за малейшее нарушение могут застрелить без суда и следствия. А чтобы попасть в тюрьму, мне придётся совершить преступление. Значит, оно должно быть таким, чтобы меня не только не шлёпнули на месте, а отправили бы в Магадан в «Дом Васькова» на следствие.

Засветло я разорвал наволочку и на этом самодельном полотнище написал огрызком химического карандаша: «Долой рабство в СССР!» Но я понимал, что если поднять его над собой на разводе, то пуля, считай, уже моя. Тут же.

Значит, надо действовать иначе.

Я разбудил товарища по бригаде водопроводчика Васю Рябых. Вора-домушника по блатным понятиям.

– Вот что, друг мой: до завтрака сбегай к куму и настучи на меня. Мол, Данильченко затевает беспорядки! Тебе зачтётся. Может, махорки пачку-другую дадут или нальют лишнюю миску баланды.

– Лафа... – мечтательно согласился Вася и, вздохнув, пропел: «Баланда, баланда, баланда – тюремная отрада! Баланда, мне лучшего не надо – ты чудо из чудес, ты наш деликатес, баланда!» Эх, только, мужик, кончат меня свои за донос... Уж такая у нас воровская самооборона. Одним словом, и хочется, и колется, и мамка не велит!

– Если законники узнают – убьют, – согласился я.

– Так что же делать?.. – растерялся он. – Так жалко с фартом распрощаться. Придумай отмаз!

Мы подошли к авторитетным вора́м по кличкам Полтора Ивана, Сашка Бомба и Цапля. Я показал им лозунг и объяснил свою затею. Про Васю Рябых тоже объяснил, что он по моей просьбе пойдёт с доносом к куму.

– Дело хорошее, – согласились паханы без долгих раздумий. – Может быть, через всё это и нам здесь какое-никакое послабление выйдет? Рябого не тронем.

И они сделали ему такое наставление:

– Встанешь в бригаду последним. Когда будете проходить через хоздвор в столовую, скажешь надзирателю, что тебе нужно к коменданту по очень важному делу. Он тебя отведёт. А там заявишь, будто в нашем бараке готовится что-то серьёзное!

После подъёма вначале всё хорошо складывалось. Готовые и на горе, готовые и на муки, вышли мы из барака. Рябых, озираясь, шагал последним. Проходя калитку, он задержался возле надзирателя.

Когда мы ввалились в столовую, Васи с нами уже не было.

Я ухватил свои триста граммов хлеба, выдул из миски пустую баланду.

А лозунг у меня в кармане...

Проходит десять минут, пятнадцать...

Вот уже начали выкрикивать номера бригад – пора на развод.

Я решил ещё чуть подождать. Должны же меня, в конце концов, арестовать! Ведь не до ветра пошёл Вася... В таких делах шуток быть не может.

...И вдруг вот они, голубчики!!!

Вначале я увидел в дверях хитроватого и довольного Рябых, шагавшего по-матросски вразвалочку. За ним, оголтело напирая, спешили комендант и два оперативника.

Вася кивком указал им в мою сторону.

– Руки вверх!!! – заорал комендант, а оперативники для пущей важности сунули мне в лицо дула наганов.

Повели на проходную. А там уже поджидает меня чуть ли не взвод с винтовками на изготовку. У коменданта, вижу, явно праздничное настроение: как-никак разговор раскрыли! Он был готов чуть ли не расцеловать меня за такой отменный шанс выслужиться:

– Выкладывай, братишка, всё, что есть в карманах! И не дёргайся: мы в курсе твоих вражеских намерений. Тебя за кусок хлеба продали с потрохами!

Спасибо, Вася...

Я вынул «лозунг».

– Грамотные у нас, оказывается, завелись! – радостно усмехнулся комендант и приказал мне. – В угол!

Я сел на корточки. Было тут жарко, густо накурено.

Мимо нас конвоиры по четыре человека выходили за ворота, уводя бригады на лесоповал. Примерно через час не у дел остался только я один.

– Что с этим делать? – крикнул в мою сторону вахтёр.

– Вывести за зону и расстрелять! – предложил кто-то.

– Отставить расстрел! – подошёл политрук. – Головой надо думать, стреляльщики хреновы. Отведите Данильченко в изолятор. И предупреждаю: не вздумайте бить! Он ещё пригодится следствию. Дело тут серьёзное... Наверх докладывать будем! Может быть, не одна голова скоро полетит!

Меня заперли в камере с небольшим окном у потолка. Нар не было. На полу лёд и ещё «кое-что» замёрзшее, как зимой в общественной уборной на краях очка.

Встал я на колени и закрыл глаза: ничего, жить, как-жестя, буду. Смерть только холодком повеяла...

Часа в три камера открылась, и меня повели в контору. А там начальник лагеря, которого мы прозвали Последний Номер.

...Как-то Ваську Жернова после работы задержали: пьяный! Так этот начальник завёл его в свой кабинет и стал интересоваться, где он мог напиться. Режим строжайший. Конвой и obsлуга закурить не дадут, не то что налить чего покрепче.

– Тебя наказывать не стану, – миролюбиво сказал начальник лагеря, – но ты должен честно признаться, где нажрался.

– Ну да... Признаться... А ты их!.. – пьяно проговорил Жернов.

– Им тоже ничего не будет! – подмигнул хозяин. – Мне важно пресечь на дальнейшее подобные нарушения режима.

– А какой мне толк признаваться? – вздохнул Васька.

– Проси, что нужно. Я дам.

– Вот это другое дело! – оживился тот. – Давай хлеба буханок пять, десять пачек махорки и килограмм сахара. Расколось!

Начальник послал рассыльного с запиской на склад. Тот вскоре всё доставил. И даже сверх того три банки тушёнки по собственной инициативе.

Жернов на миг растерялся от такого неожиданного богатства.

– Я своё слово сдержал... – усмехнулся начальник лагеря. – Теперь говори, кто тебя напоил!

А Васька опять за своё:

– Скажу, а ты жратву себе в шкаф запрёшь и ещё всех нас накажешь!

– Чёрт упрямый! Я всё тебе отдам. Слово!

– Лучше вызови с третьего барака Гришку Культияного, – сказал Васька. – Пусть он весь харч и курево заберёт от греха подальше. Тогда ты меня не объегоришь!

Привели Культияного. Он еле смог унести всё, что лежало на столе в кабинете.

– Говори! – прикрикнул начальник лагеря на Жернова.

Тот ещё помедлил. Но ровно столько, чтобы не получить между глаз.

– Эх, ты, следователь... – наконец покивал он. – Я трезвый как ангел! А языком еле ворожаю от голода. Ноги заплетаются сами собой от каторжной усталости!..

Начальник лагеря побледнел. Его, надо сказать, уже не раз обманывали арестанты.

– Это ваш последний номер! – сквозь зубы заключил он и тотчас отправил Ваську напрямиком в карцер.

Но с тех пор за хозяином так и осталось прозвище Последний Номер...

В общем, он посадил меня на табурет и дал закурить.

– Что произошло, Данильченко? – сказал с фальшивой дружелюбностью. – Расскажи честно и подробно. Может быть, я смогу избавить тебя от суда и неизбежного расстрела. Добавлю своей властью месяца три штрафной и суток двадцать карцера: этим ты свою вину и искупишь! Так сказать, малой кровью.

Я знал, что говорить и как держаться, чтобы избежать этой милости. И я ухнул:

– Ни фуя ты от меня не услышишь!

Однако Последний Номер с ходу мои слова в толк не взял.

– Что ты подготавливал? – снова попытался он вызвать меня на откровенность. – Сколько вас? Кто ещё замешан в этом деле?

– Отвечать буду только на вопросы органов! – твёрдо сказал я.

– Ладно... – поморщился начальник лагеря. – А пока иди погрейся в карцере.

Там, само собой, ни прилечь, ни присесть, – разве что на голый лёд. А льдом стала вода, которую и летом, и зимой льют здесь на пол, чтобы штрафнику карцер на всю жизнь запомнился. И хлеба мне теперь давали в день лишь по двести семьдесят граммов. Так полагалось по инструкции. С таким провиантом на голом льду долго не прокукуешь...

Через неделю меня повели в посёлок, и я нако-

нец оказался у следователя. В его маленьком кабинете было тоже холодно, но уже горела, набирая силу, железная печурка.

За столом сидел военный лет тридцати пяти, вполне приличный с виду и чем-то даже по-человечески симпатичный.

– Я ваш следователь. Моя фамилия Кислицин, – нормальным голосом сказал он, точно новый учитель, представляясь в классе. – Давайте, как положено, заполним протокол, а уже потом вы будете отвечать на мои вопросы.

Я кивнул.

– Фамилия, имя, отчество?

– Данильченко Алексей Павлович...

– Год рождения?

– Одна тысяча девятьсот седьмой.

– Место рождения?

– Слобода Велико-Михайловская Курской области...

– Почему вы еле говорите? Больны? – оторвался следователь от бумаг.

– Честно сказать, я сильно отоштал...

– Вы хотите есть?

– Очень хочу...

Кислицин пошёл за перегородку и принёс миску, полную замёрзшей вермишели с тушёнкой.

– Это будете?

– Буду!..

– Разогрейте на печке и поешьте.

Он потом внимательно смотрел, как я жадно хватаю вермишель.

И вдруг негромко заметил:

– Не спешите, Алексей Павлович. Никто у вас эту миску не отнимет.

Вот тут-то я и решил воспользоваться расположением следователя.

– Гражданин начальник! – сказал я, давась вермишелью. – У меня есть три рубля. Если можно, пошлите дневального купить мне булку хлеба.

Он вышел за дверь. Я слышал, как Кислицин кому-то там говорит: «Я отдал эку твою вермишель. Надеюсь, не будешь обижаться? Он человек крайне истощённый. Да ещё с его двухметровым ростом! В общем, купи ему буханку свежего белого хлеба. Принесёшь сюда».

Кислицин вернулся, и начался допрос.

– В какой партии состояли?

Я решил продать себя дорого.

– С тридцать первого – в подпольной левобухаринской. А позже она вошла в правотроцкистскую партию...

– Как независимое крыло?

– Да... – сказал я, точно глухо кашлянул.

Следователь пристально посмотрел на меня:

– Левобухаринская? Интересно... Первый раз слышу о такой... Каковы были её цель и программа?

Я почувствовал, что он всё-таки не верит мне. Это было опасно. Я растерялся: вдруг Кислицин отправит меня назад в штрафную, пока я не успею тут как следует оклематься?

Несмотря на свою пятьдесят восьмую статью, я в политике не понимал ни бельмеса. Правда, в камерах да бараках левым ухом кое-что слышал о Троцком и Бухарине. Из того, что в газетах, само собой, про них не писали. Арестанты поговаривали, будто Бухарин был за частную собственность на землю и, значит, как бы против колхозов. А я в своё время оттого и перебрался в Воронеж из родной Велико-Михайловской слободы, что шепнули мне добрые люди, будто за моё тогдашнее хозяйство (лошадь, две коровы, три свиньи) мне не миновать Сибири.

– Наша цель... – начал я, с трудом подбирая слова, – вооружённая борьба против коллективизации и раскулачивания. Программа – земля крестьянам. Как было обещано нам самим товарищем Лениным...

В это время дневальный принёс большую булку белого тёплого хлеба. Однако Кислицин всю её мне не дал. Отрезал граммов четыреста, а остальное положил на окно и накрыл газетой.

Такого вкусного хлеба я никогда не ел. Я не променял бы его ни на какие деликатесы. Этот хлеб я не столько кусал, сколько целовал. Он таял во рту. Всего несколько раз отведать его, а в руках уже ничего нет.

Недоумённо поглядел на Кислицина.

– Повремени немного... – улыбнулся следователь. – Иначе заболеешь. Когда закончим, я отдам тебе весь хлеб. А сейчас ещё вопрос: в вашем деле указано про побег на пароходе «Мируныч» из бухты Амбарчик в тысяча девятьсот трид-

цать девятом году. С какой целью вы его совершили? И куда хотели бежать?

Я понимал, что мне необходимо наговорить на себя как можно больше, не ограничивая ни в чём свою фантазию. Каждая минута в тёплом кабинете следователя была спасением. Я вовремя вспомнил загадочного выдумщика фельдшера Льва Максимовича Руженцева и с ходу развернулся на полную катушку:

– После Ленинграда «Мируныч» должен был доставить лес во Францию, – строго сказал я. – Этот факт вы можете проверить. Таким образом, я по поручению партии собирался пробраться за границу. Для получения инструкций, денег и подложных советских документов.

– Куда конкретно? – сдержанно заметил Кислицин.

– В этот... Париж!

– С кем вы там должны были встретиться?

– Этого говорить не имею права.

Следователь усмехнулся:

– Хорошо, я подожду, пока вы его получите от своей партии...

Он вызвал конвоира и отдал мне остальной хлеб, а в придачу пачку махорки, коробку спичек и сдачу с моих трёх рублей. В ту минуту я был до глубины души благодарен этому человеку. И пусть он простит меня за наивную ложь.

После допроса я оказался в тёплой и просторной камере. Правда, здесь, как это часто случалось, не было света, так что арестанты били вшей по очереди возле маленького мутного оконца.

Вызовами к следователю меня больше не тревожили.

(Окончание в следующем номере)

Сергей Прокофьевич ПЫЛЕВ

родился в 1948 году в городе Коростене Житомирской области.

Окончил отделение журналистики филологического факультета

Воронежского государственного университета.

Служил в Советской армии, работал в различных СМИ Воронежа.

С 1983 по 1992 г. – заместитель председателя правления

Воронежского отделения Союза писателей СССР.

Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года.

Прозаик.

Автор 10 книг рассказов и повестей.

В воронежском литературно-художественном журнале «Подъём»

с повестями и рассказами публикуется с 1977 года.

В журнале «Север» публикуется впервые.

